

АСЯ ЛАВРИНОВИЧ ТАМ, ГДЕ ЖИВЕТ ЛЮБОВЬ

«Эта книга должна
быть на вашей
полке и в вашем
сердце».

@bread_and_books

Ася Лавринович
Там, где живет любовь
Серия «Young Adult. Инстахит»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50671012
Там, где живет любовь: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-109358-7*

Аннотация

Вере Азаровой хватало неприятностей, но их стало больше, когда мечта всех девчонок Марк Василевский обратил на нее внимание. Кто-то начал присылать Вере анонимные сообщения с угрозами. Возможно, это самая красивая девчонка школы, которая также положила глаз на Марка?

Вот только Вера не боится завистников и отправляется в летний лагерь, чтобы быть рядом с парнем своей мечты. Но сможет ли она добиться своей цели, когда вокруг столько соперниц и недоброжелателей?

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	24
Глава третья	44
Глава четвертая	60
Глава пятая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Ася Лавринович

Там, где живет любовь

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Ася Лавринович., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Часть первая

Про нашу улицу Мира, влюбленное сердце, Катерину и отрубленный палец

Глава первая

Когда я счастлива, в моей голове играет мелодия из старого французского фильма «Мужчина и женщина», который мы с Ирой смотрели прошлым летом в парке под открытым небом.

Вот Марк Василевский – причина всех волнений – взял из моих рук два тяжелых пакета с учебниками, и внутреннее подсознательное радио тут же включилось.

«Па-да-да-да-да-па-да-да-да-да...» Когда Марк улыбнулся самой очаровательной на свете улыбкой, мелодия заиграла быстрее: «Па-да-да-да-да-па-да-да-да-да...» Я улыбнулась в ответ, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Будто я раскрутилась на самой быстрой карусели с белыми лошадьми и теперь, крепко держась за пластмассовую гриву, несусь навстречу чему-то светлому и волшебному. Конечно, это чувство пронзительной радости не могло длиться вечно.

Ирка, сама того не подозревая, все испортила. Словно нажала на красную кнопку «Стоп», и я, резко затормозив, едва не повернулась с дурацкой воображаемой лошади.

– Тебе не жить, – шепнула мне на ухо подруга. Хорошо, что Василевский этого не расслышал.

– Вер, куда отнести? В учительскую? – спросил Марк, не сводя с меня ясных голубых глаз. Таких ярких, как весеннее небо.

– Да, в учительскую, – кивнула я, силясь первой отвести взгляд. – Лидия Андреевна у тебя все учебники примет.

– Ира, давай свой пакет тоже, – обратился к моей подруге Марк.

– Унесешь ли? – усомнилась Ирка. – Тяжело будет!

– Унесу, – парень переложил два пакета в одну руку, и Ира передала ему новую порцию учебников.

– Только вы мне дверь придержите.

– Конечно! – засуетилась я. Взбежала на крыльцо и распахнула перед Василевским тяжелую дверь.

– Спасибо! – Напоследок Марк снова так обаятельно улыбнулся, что я едва не растаяла.

С задумчивым видом спустилась с крыльца. В школу возвращаться не хотелось. Сегодня нам с Ирой разрешили прогулять алгебру с условием, что мы принесем учебники из соседнего корпуса, где учатся младшеклассники. Что ж, Василевский сам вызвался помочь, а наша миссия выполнена. Теперь со спокойной совестью можно идти домой.

Мы с Иркой прошли в глубь школьного двора и уселись на высокий бордюр под липами.

– Капец, Василевский за весь учебный год впервые обратился ко мне по имени, – проговорила Ирка, подперев подбородок кулаком. – Я уж думала, что он даже не в курсе, как меня зовут.

– А мы часто с ним пересекаемся, – пожала я плечами. Старалась придать своему голосу равнодушие, но у самой внутри все дрожало. Меня нередко охватывала паника, когда Марк находился рядом. Наверное, все дело в его красивых голубых глазах. – На учебных собраниях, к примеру.

– Ах, ну вы же два наших школьных активиста, – обреченно махнула рукой Ирка. Мол, все с вами понятно. Скучища. – И все-таки странно, что всего за один учебный год Марк стал всеобщим любимцем.

– Почему странно? Марк очень симпатичный, умный, обаятельный.

– А главное – покорило сердце нашей Оксаночки Соболь, – скривилась Ирка.

– Это ты из-за нее меня предупредила о скорой кончине? – усмехнулась я.

– Ну конечно! Соболь по пятам за Марком ходит.

– А для чего ей это? У Оксаны же есть Кузя.

– Ха, сравнила Марка и Кузю! – покачала головой Ирка. – Кузьменко прошел мимо нас, будто мы с тобой – пустое место. А Василевский пакеты с книгами вызвался отнести. Так

что Кузя – не рыцарь.

– Ни разу не рыцарь, – вяло откликнулась я, уткнувшись в телефон. Вот уж кого неинтересно обсуждать – так это Макса Кузьменко. Более ограниченного типа в нашей гимназии не найти.

Над нами шумели липы. Пока я лениво листала ленту в инсте, Ирка подобрала палку и принялась ею тыкать в муравьев, которые гордо шествовали вдоль белого бордюра.

– Господи, ну где Даня? – вдруг рассердилась подруга, поглядывая на школьное крыльцо. – Вечно понахватает двоек в конце учебного года, потом его дожидайся, пока все исправит.

– Он ведь думает, мы еще с учебниками возимся, – не отрываясь от телефона, проговорила я. – Пойдем домой без него?

– Не могу без него, я ключи забыла.

Даня – брат-близнец Иры. И похожи они не только внешне. Оба смуглые, темноглазые и очень шумные.

Внезапно Ирка пихнула меня локтем, я чуть телефон из рук не выронила.

– Нельзя осторожнее? – нахмурилась я.

– Нельзя! Соболь на нас из окошка пялится.

– Где?

Я подняла глаза и оглядела окна гимназии.

– На втором этаже, из рекреации.

Оксана Соболь, длинноногая красавица с роскошной коп-

ной медных волос, смотрела в нашу сторону. У окна толпились и другие одноклассницы, но почему-то мы с Иркой во все глаза глядели лишь на Соболя. Холодные зеленые глаза, поджатые губы...

– Пусть паянется, – наконец великодушно разрешила я, снова возвращаясь к телефону.

– Блин, Вера, кажись, она видела, как мы с Марком болтали.

– Болтали? Он просто у нас пакеты с учебниками забрал.

– Угу, и при этом сиял, как медный таз, глядя на тебя.

– Ну скажешь тоже, – смутилась я, вспомнив обаятельную улыбку Василевского.

– Мне кажется, Соболя тебя сейчас взглядом испепелит, – продолжила нагнетать Ирка.

Я снова осторожно подняла голову и посмотрела на окна второго этажа. На стекле, прямо над головой Соболя, играли блики, и эти слепящие солнечные пятна напоминали корону на волосах одноклассницы. Мы с Оксаной какое-то время смотрели друг на друга, а затем она внезапно так хищно усмехнулась, что по моей коже пробежала дрожь.

– Чую, разборки не избежать, – вздохнула Ира.

– Помолчи, Третьякова! – рассердилась я. Стало не по себе. – Каких еще разборок? Они даже не встречаются! Марк всего лишь помог отнести учебники в учительскую. И я – президент ученического совета. Делать мне нечего – с этой пустоголовой Соболя отношения выяснять.

– Никогда не забуду, как в девятом классе эти стервы вытурили из нашей школы Наташу Сухопарову, после того как она с Кузей в кино сходила.

– Никто ее не вытурил, – снова возразила я. – Наташа переехала в другую школу из-за того, что они с семьей в другой район переехали.

– Ага, ага! – не унималась Ирка. – Наивная ты душа, Вера Азарова! А в раздевалке на физре содержимое сухопаровской косметички тоже из-за переезда испортили? И в душевой Наташу заперли!

– Что ты от меня хочешь? – рассердилась я.

– Ничего не хочу, – проворчала Ира, которая любила сгущать тучи над любой ситуацией. – Просто предупреждаю, чтоб ты Василевскому глазки поменьше строила.

– Сама разберусь с Василевским, – буркнула я. Сняла с запястья резинку-пружинку и стянула светлые волосы в короткий хвост.

Мы замолчали. Ира еще некоторое время тяжело вздыхала, продолжая вертеть палку, облепленную муравьями. Я молча наблюдала, как несколько насекомых перешли к военным действиям и уже целым отрядом маршировали по Иркиному рюкзаку, который валялся на асфальте у ног подружки. Когда муравьи подобралась к носкам моих розовых «вансов», я вскочила.

– Ты чего? – подняв голову, удивленно посмотрела на меня Ира.

– Ничего. Мы у самого муравейника уселись. И Данька вон вышел!

Ирка тут же поднялась следом. Даня появился на крыльце вместе с подружками Соболя. Я машинально взглянула на окна, но Оксаны в рекреации уже не было. Значит, скоро и она выйдет на улицу. Даня, активно жестикулируя, что-то рассказывал девчонкам, а те заливались громким противным хохотом, как крикливые чайки на набережной. Мы с Иркой так и топтались под липами.

– Что он там десны сушит? – проворчала подруга. – Почему не идет к нам?

– Да выбрось ты эту палку! – выдернула я из Иркиных рук прутик, облепленный муравьями.

– Разве он не знает, что эти курицы – наши враги?

– Думаю, у парней все немного по-другому устроено, – ответила я. – И пофиг твоему Дане на наших врагов.

Тут на крыльцо выплыла Соболя. Даня тут же повернул голову в сторону одноклассницы и что-то ей негромко сказал. Девчонки снова захихикали, а Оксана широко заулыбалась.

– Долго он будет с ними любезничать? – вскипела Ирка. – Я жрать хочу! Ключей нет.

– Твой брат, ты с ним и разбирайся, – вздохнула я. Если честно, тоже бы уже отправилась домой.

Ирка так пронзительно свистнула, что стайка воробьев вспорхнула с соседней клумбы. Даня с недовольным видом

развернулся в нашу сторону, а Соболиха впилась в меня злым взглядом, будто это я отвлекла их от беседы.

– Чего тебе? – не слишком вежливо выкрикнул Даня.

– Ключи дай! – проорала Ира.

Даня вздохнул, бросил еще что-то напоследок одноклассницам (те снова счастливо разулыбались) и спустился с крыльца.

– Наконец-то. Разродился! – проворчала Ира, хватая с асфальта темный рюкзак.

– Чего вопишь на всю улицу? – подошел к нам Даня.

– Если и дальше собираешься с этими инфузориями ворковать, то просто отдай ключи от дома. Или пойдем с нами, есть хочу, сил нет!

– Тебе лишь бы брюхо набить, – проворчал Даня, тем не менее направляясь к воротам.

Мы с Ирккой засемили следом. Я напоследок обернулась к крыльцу, в надежде, что там появится Марк, но лишь снова встретила с гневным презрительным взглядом Оксаны.

А Ирка уже привязалась к Дане:

– Как думаешь, сильно нашей Вере влетит от Соболя?

– А что такое? – заинтересовался Даня.

– Ир-ра! – рыкнула я, догоняя подругу и ее брата. – Зачем его посвящать в такие глупости?

– Какие глупости? Расскажите! – потребовал Даня. – Что вы с Оксаной не поделили? Не хотел бы я занять врага в лице Соболя.

– Пф, кто эту кулему из отряда кунных вообще боится! – фыркнула я, впрочем, без особой уверенности.

– Они не поделили Марка Василевского! – выдала Ира.

– Этого пижона? – поморщился Даня. – С модной укладочкой и в стеганой курточке «Барбур»?

– Ты его не любишь, потому что он в нашем классе занял твое место! – тут же ядовито отозвалась Ирка.

– Вообще пофиг! – запротестовал Даня. – Мое место никто не может занять, поняла?

– То-то все бабы теперь на него вешаются, – не унималась Ира.

– Ну спасибо! – встряла я. Как она меня ловко ко всем «вешающимся бабам» приписала. Хотя Марк мне нравился, но виду я никогда не подавала.

– Ты видела сейчас мой прайд на крыльце? – самодовольно спросил Даня, кивнув в сторону школы. К тому времени мы уже вышли на широкую улицу, на которой располагалась гимназия и совсем рядом мой дом. Из окон кухни было видно ненавистное кирпичное здание нашего учебного заведения. Так себе вид...

– Это они по старой дружбе не хотят обижать захиревшего льва, – ответила Ира. Она обожала подкалывать брата.

– Че это я захиревший? – оскорбился Даня. – Да мне эта популярность вообще побоку. Это вы, девчонки, пыжитесь что-то вечно.

– Ну-ну! Сам ты пыжик!

У меня от их спора уже голова разболелась. Свернуть бы куда-нибудь от близняшек, только мы живем на одной улице, да еще и в одном доме.

– Как ты меня достала уже! – проворчал Даня. Затем поравнялся со мной и легонько подтолкнул плечом. – Вер, что у вас там с Василевским?

Я метнула в Ирку убийственный взгляд, но подруга шагла к дому как ни в чем не бывало.

– Ничего у нас с ним нет! – буркнула я. – Больные фантазии твоей сестры.

– А-а-а, – протянул Даня. – Это она может. Только разве Соболев не мутит с Кузей?

– Ты сплетни о своем прайде похлеще нас собираешь, Симба! – хмыкнула Ирка. – Тебе виднее.

– Сдался ей этот Василевский, когда есть Макс? – продолжал удивляться Даня.

– О-о, – протянула Ирка. – Ты многого не знаешь о коварстве девчонок, Данечка! Кузя – это так, безобидная синичка в руках, а Марк – прекрасный журавль!

С «прекрасным журавлем» я была полностью согласна. А вот Даня только презрительно хмыкнул. Все-таки не нравился ему пришедший в этом году в наш класс Василевский.

В кармане джинсовки завибрировал телефон. Я притормозила и крикнула:

– Вы идите, я догоню!

Даня и Ира, кажется, и не услышали то, что я им прокри-

чала. Продолжили идти и громко спорить о Марке.

Я достала из кармана телефон и смахнула уведомление о новом сообщении. Отправитель: засекреченный номер. Текст: «Теперь точно берегись».

* * *

Не считаю, что стоит обращать внимание на таких дурынд, как Оксана Соболев. Это ниже моего достоинства. Именно поэтому я не придавала значения «таинственному» посланию. Все знают, что Соболев с головой не дружит, и лучшее оружие против нее – игнор. Вот она побесится, когда поймет, что я ни капельки ее не боюсь. А если продолжит дурью маяться, расскажу все классному руководителю. А может, и директору. Все-таки я в школе не последний человек. Должны прислушаться.

А вообще зря она волнуется. С Василевским мне ничего не светит. Да, мы с Марком часто пересекаемся на собраниях, где решаются организационные вопросы о жизни нашей гимназии. Да, я одна из немногих девчонок в параллели, с которыми он периодически общается... Но на этом все. Марк улыбается мне точно так же, как и остальным гимназисткам. И если кто-то из них после этого принимается строить воздушные замки насчет Василевского, то я точно этого делать не буду. А Оксана лучше бы сразу сделала массовую рассылку среди десятых, потому что я – не единственный

объект флирта у Марка.

Я даже поначалу решила не рассказывать Ирке о дурацком сообщении, потому что Третьякова точно развопится и найдет в этом сакральный смысл и реальную угрозу. Но все-таки, от нечего делать, показала предупреждение на следующий день во время первого урока. Все равно мы долго ждали опаздывающего историка и заняться было нечем. Просто молча придвинула подруге телефон с открытым сообщением.

– И что это? – Ирка округлила глаза. – От кого?

Я только пожала плечами. Тогда Третьякова склонилась к телефону, едва не уткнувшись носом в экран. Затем подняла голову и удивленно уставилась на меня.

– Это от Соболев, точно тебе говорю. Я ж предупреждала!

– Ой, Ир!

– Что теперь будешь делать?

– Найму двух качков-телохранителей, чтобы встречали меня от репетитора.

– Да ну тебя, Вер! – нахмурилась Ира. – Я б на твоём месте реально позаботилась о своей безопасности.

– Предлагаешь купить бронжилет? – развеселилась я.

– Смейся, смейся!

– Серьезно, Ира, что она мне сделает? Маразм какой-то.

В этот момент, как назло, к нашей парте подошел Марк Василевский и приветливо произнес:

– Вер, привет! Помнишь про сегодняшнее собрание?

– Угу, – промычала я, оглядывая класс. Несколько девчонок уже впились глазами в спину Марка. Соболев – в том числе.

– Лидия Андреевна просила подготовить списки учеников для летней школы, – продолжил Василевский. Взял мою розовую ручку с единорогами и принялся крутить ее в руках.

– Да, это я тоже помню, – ответила я.

Василевский что-то задержался у нашей парты. Ирка заерзала на месте. Но следующая фраза одноклассника и вовсе привела Третьякову в ужас.

– Тогда я встречу тебя после уроков, вместе пойдем, хорошо? – И Марк так широко и ласково мне улыбнулся, что я совсем растерялась.

– Хорошо, – с трудом проговорила я. Язык стал тяжелым и неповоротливым.

– Прикольная ручка! – добавил Василевский между делом.

– Дарю, – ответила я. Пошутила, конечно. Куда ему эта девчачья розовая ручка? Но Марк взял со стола колпачок в виде единорожьей мордочки, нацепил его на ручку и бережно положил в нагрудный карман рубашки.

– Спасибо, – снова улыбнулся он.

Ирка схватила меня под партой за руку...

В этот момент в класс вбежал запыхавшийся историк, и Василевский отправился на свое место.

– Кошмар! – выдохнула Ирка, оглядывая всю свиту Со-

боль. Подружки Оксаны по-прежнему таращились на нашу парту. – Это не прайд... Это гиены, которые в один ужасный день окружают тебя после уроков!

– Господи, Третьякова, отпишись ты от всех этих криминальных пабликов, надоела! – сварливо ответила я.

– Ты знаешь, если что, я тебя в обиду не дам! – продолжила шипеть Ирка, пока мы записывали в тетради сегодняшнее число и тему.

– Ага, спасибо.

– Я столько раз дралась с Данькой и еще одной курице в школьном лагере наkostenяла...

– Помолчи ты уже, костыль, нас сейчас рассадят, – попросила я. Историк вечно делал нам замечания и грозился посадить Третьякову за первую парту.

Вот он уже повернул голову на Иркин разгоряченный шепот, как вдруг, на мою радость, дверь распахнулась, и в класс бесцеремонно вошла Амелия Циглер – местный изгой. Она перешла в нашу гимназию в девятом классе, да так и не смогла найти себе друзей. Вернее, даже не пыталась. Странная, молчаливая, мрачная... Циглер носила черную одежду и тяжелые ботинки. Даже сейчас, в середине мая, когда в таких бесформенных балахонах можно только упариться. И красилась она тоже ужасно! Жирно обводила подводкой глаза, а губы красила фиолетовой помадой. Если честно, Амелия всегда вселяла в нас с Иркой немой ужас. Вот, кажется, кто мог запросто наkostenять – так это она, а не Соболев с Ир-

кой. Я лишний раз Циглер в глаза боялась посмотреть, потому что мы жутко друг друга недолюбливали. И на то были свои причины...

– Амелия, вас не учили стучаться? – возмущенно спросил историк.

– Тук-тук, – буркнула Циглер.

В классе раздались неуверенные смешки.

– Кто там? – тут же отозвался Никита Яровой.

– Сто грамм, – подключился Даня.

На задних партах загоготали громче. Лицо бедного историка от злости пошло красными пятнами.

Амелия – сама себе враг. Учится хорошо, а вот дисциплина у нее не то что хромает... Там у дисциплины ампутация на обе ноги. Если б Циглер научилась вовремя приходить на занятия и извиняться, цены бы ей не было.

– Думаю, для вас урок истории на сегодня окончен, не успев начаться, – отрезал побагровевший учитель.

– Какая жалость! – притворно вздохнула Амелия и развернулась обратно к двери.

Ирка чересчур громко ахнула.

– Непробиваемая девица! – шепнула мне на ухо подруга.

– Ага, скорее непробиваемая тупость, – возразила я. Раз в неделю Амелия стабильно устраивала подобные спектакли. Хоть бы раз признала свою вину.

Циглер тем временем уже вышла из класса, демонстративно хлопнув дверью. Историк растерянно оглядел присут-

ствующих. Разумеется, наши с Ирккой разговоры уже казались сущим пустяком по сравнению с поведением Амелии. Поэтому я, не боясь, что нас рассадят, шепнула Ирке:

– Дай запасную ручку.

– А на фига ты Василевскому свою отдала, кулема? – зашипела Ирка, потянувшись к пеналу.

Я сама не знала ответа на этот вопрос. Кто ж думал, что он воспримет мою шутку всерьез? А вообще порой из-за любви люди готовы на самые нелогичные поступки и самопожертвование. Что уж тут говорить о подаренной ручке с единокоргами.

* * *

Иногда я чувствую себя на наших собраниях неуютно. Наша директриса, Лидия Андреевна, слишком выделяет меня среди остальных гимназистов. Конечно, дело может быть в том, что я – президент ученического совета, но скорее тут личные симпатии. И я, если честно, даже не знаю, чем такую любовь заслужила.

– Вера, ты подготовила списки учащихся для образовательного лагеря? – ласково спросила меня Лидия Андреевна, после того как старосты одиннадцатых классов отчитались о подготовке к последнему звонку.

– Да, почти, – негромко ответила я.

В летнюю школу за счет городского бюджета обычно от-

правляли отличившихся учеников. Путевки считались престижными, но только не среди самих подростков. На деле никто не горел желанием уезжать в образовательный лагерь даже на одну смену. Отличившихся у нас было не так много, поэтому в списке из десяти мест пока было занято лишь одно. И его заняла я. Больше желающих не нашлось. Класс у нас не самый дружный, лишние две недели тусоваться друг с другом, да еще и посещать занятия, казалось всем плохой идеей.

– У меня тоже есть несколько кандидатур из «Б» класса, – заметив мое смятение, проговорила Лидия Андреевна. – Если есть еще места, включи их в список, пожалуйста.

– Ой, да, места еще есть, – пролепетала я.

Мы переглянулись с Василевским и улыбнулись друг другу. Марк знал, что у меня плохо со списком. И я больше всего на свете хотела, чтобы одноклассник помог мне с агитацией в этот чертов образовательный лагерь. А еще лучше – поехал бы туда сам. Тогда я с легкостью набрала бы еще девчонок, мечтавших отправиться за Василевским хоть на край света.

Но Марк своего желания не изъявлял, а спрашивать его об этом я, конечно, стеснялась.

После собрания я первой поднялась с места и быстрым шагом направилась к выходу. Еще не хватало, чтоб директриса решила сейчас уточнить, сколько человек я включила в список. Марк догнал меня уже в коридоре.

– Никто не записывается, да? – спросил он.

– В образовательный лагерь? Ты шутишь? Вместо того чтобы валяться в летние каникулы на диване с планшетом, придется вставать по расписанию, днем снова сидеть на занятиях и ложиться в десять вечера... Да, от желающих отбоя нет.

Я тяжело вздохнула, а Марк рассмеялся. Но не злорадно, а по-доброму так. Мой рот тоже расплылся в дурацкой неуверенной улыбке.

– Хочешь, я поеду? – спросил он.

– Серьезно? – усомнилась я, натягивая джинсовую куртку на белую рубашку и школьный вязаный жилет. О том, что Василевский согласится ехать со мной, я могла только мечтать.

– Конечно, серьезно! – откликнулся Марк. – Сама подумай: две недели вдали от родительского присмотра...

Взгляд Василевского сделался мечтательным. Я еще раз с удивлением посмотрела на парня. Это как же должны допечь собственные предки, чтобы в летние каникулы желать умотать из дома на дополнительные занятия.

– Но вообще там должно быть здорово! – принялась я нахваливать лагерь в страхе, что Василевский передумает. – Предметы на выбор: математика, физика, программирование, химия. Я, наверное, английский перед ЕГЭ подтяну. А еще обещали интересные мастер-классы.

Василевский шел рядом со мной и чему-то улыбался. А я не верила своему счастью! Если я заполучила в лагерь Мар-

ка, значит, быстро добыю список. Пусть вся наша группа будет состоять лишь из влюбленных в одноклассника девченок.

– А еще твое присутствие в списке будет вполне заслуженным и не вызовет никаких вопросов у Лидии Андреевны. Все-таки ты – лучший ученик нашей гимназии.

Марк снова польщенно улыбнулся.

На улице солнце припекало уже совсем по-летнему. Высоко в зеленых ветвях лип щебетали птицы.

– Проводить тебя до дома? – спросил Марк.

От неожиданности я смутилась еще больше. И почему-то на ум пришло дурацкое анонимное сообщение, хотя мне казалось, что я ни капельки не испугалась Соболя.

– Нет, не надо, – улыбнулась я. – Тут и провожать нечего. Я живу прямо за гимназией. Здесь же, на улице Мира. Видишь тот высокий серый дом?..

Глава вторая

Наша улица – одна из самых протяженных в городе. На первом этаже длинного девятиэтажного дома, в котором мы живем, находятся старая «Галантерея», магазин «Ткани», большой продуктовый и отделение почты.

Когда-то здесь росли могучие старые тополя, но лет пять назад их безжалостно вырубili, чтобы расширить проезжую часть. Остались о тех высоких деревьях лишь воспоминания. Мне нравилось, как в начале июня пух медленно опускался на нашу улицу. Без тополей она мне кажется голой.

Зато двор большой и очень зеленый. Заворачивая за угол дома, можно решить, что ты попал в другой мир. Красивые клумбы, много деревьев, веселое воробьиное чириканье в ветвях. По поручению местного депутата недавно посреди двора установили новый детский комплекс с яркими горками, турниками, большой песочницей. А чуть поодаль – тот городок, где когда-то играли мы. От него остались лишь покосившаяся железная горка да деревянный двухэтажный замок. В детстве он казался таким огромным и нарядным. В нулевых по вечерам, когда мы с друзьями уже расходились по домам, там собиралась молодежь. Парни расписывали стены, пили пиво и бросали на пол окурки. Сейчас замок стоял заброшенным на отшибе двора. Те, кто когда-то вечерами там тусовался, уже выросли, а современных детей за-

мок с облезлой краской не прельщал. Да и кто пойдет в него играть, когда рядом есть новый и интересный городок?

После собрания я отправилась к Третьяковым. Мы из одного подъезда, только я с седьмого этажа, а Даня и Ирка – с девятого.

Лифт не работал. Чертыхаясь, я направилась к лестнице. Прошла мимо своей квартиры и поднялась выше. А для чего заходить домой, если там меня никто не ждет? Зато Ирка тут же распахнула дверь и пропустила в коридор.

– Тебя с твоего собрания дождешься, с голоду помереть можно, – бурчала подруга, пока я расшнуровывала кеды.

– Так поела бы.

– Ага, чтобы ты потом развопилась? – хмыкнула Ирка. Я тактично промолчала о том, что из нас двоих вопит обычно одна только Третьякова. Ира взяла меня за руку и потянула за собой на кухню. – И чего вы там так долго решаете?

– Одиннадцатиклассники много времени занимают, – вздохнула я, по пути заглядывая в другие комнаты. – У них экзамены, последний звонок на носу... А Даня где?

– Даня бросил вещи у порога и умотал на улицу, – проворчала Ира. – Как ты о его барахло не споткнулась? Сказал, в «Маке», если что, перекусит. Он, видите ли, в кино с какой-то девчонкой идет. Мама его убьет, Даня нормальную еду вообще не ест. А она готовит для нас, между прочим!

– Зато я у вас ем, – сказала я.

– Ага! Не пропадать же продуктам.

У меня дома в холодильнике шаром покати. Готовить для меня некому, а самой не хочется. Да и не особо получается, если честно. Пару раз в неделю к нам заглядывает Софья Николаевна, папина дальняя родственница. Она обычно и готовит нам горячее. Правда, с приходом дачного сезона тетя Соня стала приходить все реже. Поэтому я захаживала к Третьяковым или покупала что-нибудь из той же «ненормальной еды», что и Даня.

– Та-ак, – протянула Ирка, звякнув крышкой от кастрюли. – Мама оставила нам котлеты с подливой и пюрешку.

– Котлеты какие?

– Куриные. Сейчас подогрею, жди.

Мы с Иркой вытащили на просторную солнечную лоджию небольшой садовый столик. Принесли тарелки и две кружки ледяного компота из сухофруктов. Ирка распахнула стеклянные створки, и мы уселись с ногами на пластмассовые зеленые стулья. Ирка водрузила на нос солнечные очки и потянулась вилкой за куриной котлетой.

– Составила свой список?

Я лишь покачала головой. Прожевав, спросила:

– Ты-то поедешь?

– Куда? В лагерь?

– Ну.

Ира задумалась.

– Если б там не было занятий...

– Ну это ж образовательный лагерь. Поощрение самых лучших учеников путевкой.

– Лучших? – Ирка хмыкнула. – Я вообще-то троечница. Ой, погоди!

Ира поднялась из-за стола и убежала обратно на кухню. Вернулась с тарелкой с соленьями.

– Мама вчера банку прошлогоднюю открыла. Угощайся.

– Ну и что, что ты троечница. Зато у тебя активная жизненная позиция, – продолжила я, громко хрустя соленым огурцом. Очень уж мне хотелось, чтобы Ира поехала со мной.

– Вадик не поймет, если я на лето куда-нибудь умотаю, – засомневалась подруга.

– На лето? Всего две недели! И какая ему разница? – возмутилась я. – Он все равно в армии!

Иркин парень, Вадик, почему-то все время меня раздражал. Ира постоянно перед ним лебезила и без его разрешения никогда ничего не делала. Они познакомились два года назад в Турции, где с семьями отдыхали в одном отеле. Вадик жил на другом конце города, и виделись мы с ним, к счастью, нечасто. А этой весной ушел в армию, но и оттуда указывал Третьяковой, что делать.

Ирка молча уплетала пюре с котлетами. Солнечные очки съехали на кончик носа. На лоджии так припекало, что мы с Третьяковой будто расселись на пляже.

– Скажи своему Вадiku, что там занятия с десяти до четы-

рех с перерывом на обед. Физика, химия, иностранные языки...

– Все так страшно? – воскликнула Ирка.

– Ну и дискотеки, само собой! Развлекательная программа, речка... – испуганно залепетала я. Казалось, Ирка вот-вот вздумает отказаться от поездки. – Кстати, угадай, кто изъявил желание поехать с нами?

– Не знаю, – равнодушно пожала плечами Ира. Ее мой список вообще мало волновал, и спросила она о нем из вежливости. Потому что помимо школьных дел со мной и обсудить-то было особо нечего. В моей личной жизни был полный штиль. – Кто?

– Василевский!

– Да ладно? – Ирка стянула очки и отодвинула от себя тарелку. – Он точно в тебя втюхался!

– Ну да, с чего бы?

– Ехать в какой-то дурацкий лагерь... Только если за тобой!

– Ага, Василевский – жена декабриста, – усмехнулась я. – Скажешь тоже.

– Всё! Я еду! – воодушевилась Ирка. – Я должна это видеть!

– Видеть что?

– Ваше соединение!

– Сумасшедшая!

Мы синхронно схватили кружки с холодным компотом и

принялись его жадно пить.

– Мама котлеты пересолила, – проговорила Ира, ставя обратно на стол пустую кружку. Вытерла ладонью рот.

– Вкусные, – возразила я.

После обеда мы отправились в Данину комнату и включили приставку. Иркин брат не разрешал нам без спроса рубиться в FIFA, но мы всякий раз, когда его не было дома, нарушали запрет, а потом замечали следы – ставили все на место. Конечно, может, Даня и замечал, что мы хозяйничаем в его комнате, но никогда об этом с нами не заговаривал. Да и в его жилище царил такой бардак, что вряд ли здесь можно было заметить следы «чужаков». Вот и сейчас мы сидели на кровати рядом с кучей чистой одежды.

– Попросила же его разобрать свое шмотье, которое я принесла с сушилки! – сердито проговорила Ирка.

В комнате стоял запах чистого белья и мужской туалетной воды.

– А надушился-то, герой-любовник!

Поиграв в приставку, я засобиралась домой. Отец обещал прийти сегодня пораньше и о чем-то серьезно поговорить со мной.

– Как думаешь, что он хочет тебе сказать? – спросила Ирка, пока я обувалась. Подруга стояла, привалившись спиной к дверному косяку.

– Не знаю, может, к маме отправить хочет?

– На другой конец света? – ахнула Ира. – Не пушу! А мне

что делать летом? Вадик уехал, ты уедешь...

– погоди, эгоистка, это всего лишь мои предположения. Я, кажется, маме вообще не сдалась. Мы в последний раз в марте говорили, так что не дрейфь!

Дома я быстро расправилась с уроками и улеглась на кровать с ноутбуком. Загрузила сериал. В большой трехкомнатной квартире по вечерам я чувствовала себя немного неуютно. Не сразу услышала, как открылась входная дверь.

– Вера, ты поужинала? – выкрикнул папа из коридора.

– Ага, – отозвалась я, не вставая с кровати.

Отец вошел в комнату. Я отодвинула от себя ноутбук и приготовилась к серьезному разговору.

Папа выглядел растерянным. Не так часто он приходил ко мне для серьезного разговора. Вообще мы с ним редко пересекались дома. Отец либо пропадал на работе, либо встречался с друзьями. Было интересно, на какую тему он решил со мной поговорить. Наверняка дело в маме. Она уехала от нас в Мексику пару лет назад. Влюбленная в климат, национальный колорит и мексиканца, с которым познакомилась по переписке. Новоявленный жених был младше мамы на целых восемь лет.

– Я хотел пиццу заказать, – сказал наконец отец.

– Я возьму кусочек, – кивнула я. – Если сырную...

Да, это и есть серьезный разговор? Я едва сдержала смешок.

– Вера, я должен тебя кое с кем познакомить! – все-таки

огорошил меня родитель.

А вот теперь сердце тревожно заколотилось.

– С кем это? – настороженно спросила я.

Наверняка за те два года, что мама не жила с нами, у папы были какие-то любовные интрижки, но он никогда не спешил рассказывать мне о них.

– Она тебе понравится, – «обрадовал» папа. – У вас много общего.

Что он имеет в виду? Что у меня может быть общего с какой-то взрослой незнакомой женщиной?

– Ну не смотри на меня так, Вера! – почему-то рассердился отец. – Ужин будет в эту пятницу. Вместе выберемся куда-нибудь. Согласна?

Я растерянно кивнула. Будто моего мнения кто-то спрашивает. Обычно лишь ставят перед фактом.

– Вот и отличненько, – выдохнул отец, выходя из комнаты.

Я закрыла ноутбук. Смотреть сериал сразу расхотелось. Слышала, как папа ходит по квартире, как скрипит паркет под его ногами, как негромко работает в соседней комнате телевизор. Потом телевизор смолк. Отец с кем-то говорил по телефону. Думала, он заказывает для нас пиццу, но тут из приоткрытой двери до меня донесся обеспокоенный голос:

– До утра это не терпит? Сильно затопило? погоди, Кать, не ищи! Сейчас приеду.

Я быстро поднялась с кровати и выбежала в коридор. Отец уже поспешно натягивал светлый модный плащ.

- Ты куда? Ты ведь совсем недавно пришел! А пицца?
- Вера, мне нужно ненадолго отлучиться, скоро вернусь.
- Кто звонил?
- У моей знакомой возникли неприятности.
- Это у той, с которой у меня много общего?

Отец медленно застегивал пуговицы на плаще и смотрел на меня. Растерянный, напуганный, будто провинившийся мальчишка, которого застали за совершением какой-нибудь пакости.

– Я не могу между вами разорваться, – наконец сказал он. – Но дело правда серьезное.

Будто я просила его разрываться между мной и кем-то еще... Но все-таки обиженным голосом произнесла:

– Ты почти дома не бываешь. Я всегда одна! За окном уже темно.

Отец не умел проявлять любовь, но все-таки подошел ко мне и неуклюже приобнял. Иногда мне казалось, что он сам в шоке от того, что у него такая взрослая дочь. Вряд ли мои мама и папа вообще планировали стать родителями так рано. Я появилась в жизни отца, когда ему едва исполнилось девятнадцать лет.

– Вера, ты умница. Обязательно найдешь, чем себя занять дома.

– Угу, – проворчала я, вдыхая горький аромат мужского одеколона.

Отец выпустил меня из объятий, рассеянно чмокнул в ма-

кушку, схватил со шкафчика ключи от машины и, по привычке щелкнув по выключателю, выскочил в подъезд. А я осталась одна посреди темного коридора. Только из моей комнаты сквозь дверную щель проглядывал свет. А из открытого на кухне окна доносился шорох машин.

Я так и простояла где-то с минуту, решая, существенно ли теперь изменится моя жизнь. Уже в эту пятницу отец меня «кое с кем» познакомит. А если она стерва? А если решит переехать сюда?..

В задумчивости не сразу расслышала, как завибрировал телефон. Бросилась в спальню, чтобы успеть ответить. Снова беспокоил неизвестный номер.

Я решила сбросить вызов. Зачем Соболев звонит так поздно? В том, что это она, я ни капли не сомневалась.

Телефон снова загудел. Тогда я все-таки приняла вызов и прислушалась. Сначала раздалось невнятное шепуршание, а затем кто-то тяжело вздохнул.

– Алло? Кто это?

Послышался странный щелчок, и в трубке заиграл траурный марш Шопена. Запись шипела и кряхтела, будто звучала со старой пластинки.

– Какая же ты дура! – проговорила я в трубку и отключилась.

Оксана давно с головой не дружит. И Ирка была права: это именно Соболев выжила из нашей школы беднягу Наташу. Испорченная косметичка и заточение в душе – это еще

не самое страшное. Третьякова не в курсе, что Соболев вместе с какими-то девицами не из нашей гимназии подкараулила Сухопарову после уроков и пригрозила распустить самые грязные выдуманные слухи о Наташе и Кузе, если та от Макса не отстанет. Но Сухопарова – тихая девчонка. Конечно, она испугалась. А вот я себя в обиду не дам, пусть только попробуют сделать что-то подобное.

Телефон снова завибрировал. На сей раз на экране высветился номер Ирки.

– Я поговорила с мамой по поводу лагеря! – выпалила подруга.

– Класс! – не сразу отозвалась я, все еще обдумывая дурацкие поступки Соболева. – Отпустят тебя?

– В том-то и беда... – замялась Ирка.

– Что такое?

– Без Даньки меня мама в лагерь не отпустит.

– Бли-ин, – протянула я. – Ир, серьезно? Ну вы же не сямские близнецы!

– Я знаю! – возмущенно запыхтела на том конце провода подруга. – Ты маме моей это объясни! С тех пор как у меня в начальной школе телефон за домом отобрали, она заставляет Даню со мной везде таскаться. Ладно, эти два года Вадим рядом был, а теперь?

– Ты едешь в образовательный лагерь, а не на рейв, – сказала я.

– Моя мама так не думает, – хмыкнула Ирка. – У нее со-

всем другие представления о лагерях, в которых тусуются подростки.

Мы обе помолчали. Я подошла к окну и задернула занавески. Все-таки дуре Соболев удалось выбить меня из колеи. До сих пор в ушах звучала «хрустящая пластинка». Еще и папа уехал. На всякий случай я прошлась по пустой квартире и включила везде свет.

— Но Даня никогда не согласится провести две недели в лагере вместо нормальных каникул, — вздохнула я. — Хотя мне бы не помешал лишний человек для списка.

— Ладно, я что-нибудь придумаю! — бодрым голосом пообещала Ирка. — Утро вечера мудренее. Ложись спать!

И Ирка придумала. Лучше бы вовсе не сообщала мне о своем дурацком плане. Но об этом я узнала на следующий день, а пока, умывшись, с тяжелым сердцем отправилась в постель. Засыпать пришлось при свете. Окно было открыто, и ветер колыхал легкие занавески. Где-то далеко завизжали тормоза, раздался пронзительный девичий крик, а затем снова наступила тишина. Провалиться в сон мешало непроходящее чувство тянущей тоски и тревоги, когда от волнения скручивает живот. Конечно, это не было связано со звонком Оксаны. Скорее, перед сном все мои мысли витали вокруг отца и той таинственной Кати, у которой случился потоп. А еще у нас с ней, оказывается, так много общего.

Мы с Ирой выбрали в столовой самый дальний стол, который пользовался популярностью у влюбленных парочек. Стоял он у окна в окружении кадучек с цветами. Сейчас стол был свободен, а нам с Третьяковой предстояло в тишине обсудить важное дело – поездку в летнюю школу.

– Итак, в твоём списке есть Марк, – начала Ира.

– Ага.

– Раз есть Марк, значит, подключилась и Соболь...

– Ой, не напоминай! – расстроено покачала я головой. Оксана, прознав про Василевского, подошла ко мне перед первым уроком и попросила включить её в список. При этом вела себя как обычно. Я, не имея пока никаких доказательств её вины, тоже о вчерашнем звонке промолчала.

– Вообще-то Соболь без троек учится, – задумчиво говорила Ирка. – И на городском конкурсе красоты какую-то номинацию завоевала. В общем, здесь она вполне заслуженно.

Я вздохнула. Мало мне этой ревливой чокнутой в городе, так она ещё и в лагерь собралась.

– Ты же знаешь: где Соболь, там и придурочный Макс Кузьменко, – проворчала я, вписывая фамилию одноклассника. – Он же у нас капитан школьной баскетбольной команды. Защищает честь школы на всевозможных соревнованиях.

ях. Значит, Лидия Андреевна и его кандидатуру одобрит.

– Да уж! – покачала головой Ирка. Мы глянули на список. Кроме Василевского, в нем никто не радовал.

– Ой, погоди, – вспомнила я и полезла в карман рюкзака. – Мне ж директриса еще три фамилии карандашом вписала. Для списка. Кто-то из «Б» класса.

Я развернула лист бумаги, Ирка, вытянув шею, заглянула в список. Потом сердито сказала:

– Ну, Селезнева – понятно. Она у них отличница. Но Диана Руднева? Это что, шутка такая? Зачем эту тупицу включили в список? Она хуже меня учится!

– Ну вообще Диана ездила на первенство города по танцевальному спорту. И на школьных концертах всегда выступает...

– Ага, задницей крутит на Восьмое марта под Монатика! – перебила Ирка.

У них с Дианой были давние терки. Когда-то мы втроем очень тесно дружили, но затем Руднева предпочла компанию Оксаны.

– Веселенькая поездочка намечается, – хмыкнула я. Затем зачитала вторую фамилию: – А как тебе Люсьена Антоненко?

– Против Люси ничего не имею, но эту тихоню за какие заслуги взяли?

– Понятия не имею, – пожала я плечами. – Мы ж с тобой не знаем, как она учится. Ты разговаривала с ней хоть раз?

Ирка равнодушно пожала плечами:

– Нет. О чем? Ни с ней, ни с Селезневой... – Третьякова снова взглянула на список. – Ну и составчик. Убойный.

– Золотой, – согласилась я.

– Нам для полного комплекта только Мэрилина Мэнсона не хватает.

– Какого еще Мэрилина Мэнсона? – не поняла я.

Тогда Ирка молча кивнула в сторону соседнего стола, за которым в одиночестве обедала Амелия Циглер. Я задумчиво уставилась на одноклассницу. Тогда Амелия вдруг резко подняла на меня глаза и угрожающе сдвинула брови.

– Не поняла, какие-то проблемы? – спросила она у нас.

– Никаких проблем! – хором ответили мы с Иркой и синхронно опустили головы обратно к списку.

Чуть позже Третьякова поднялась со стула и передвинула пару кадушек с цветами, отгородив нас от Циглер и остальных.

– Я ее боюсь, – сказала Ирка. – Слышала, что Амелия живет с бабкой, а та – настоящая ведьма.

– Ну-ну, – недоверчиво хмыкнула я, продолжая осторожно поглядывать сквозь листву на странную одноклассницу.

– По-любому она знает какое-нибудь заклинание, – продолжила Ира. – Кидает в котел свой черный волос, паучью лапку... И кроликов в жертву приносит.

– Да ну тебя! – рассмеялась я.

– Нет, правда! Она дурная какая-то. Ей нравится пугать

людей. Не хотелось бы мне оказаться с Циглер в одном лагере.

— Если честно, — неуверенно начала я, — Лидия Андреевна предлагала кандидатуру Амелии. На городской олимпиаде по физике она заняла второе место, уступив полбалла Яровому.

— Ужас! — ахнула Ирка. — Тогда нам нужно скорее укомплектовывать список, чтобы этой сумасшедшей места не досталось. Хотя вряд ли она оставит дома своих пауков и летучих мышей. И, кстати, о Яровом...

Подруга замялась. Я настороженно уставилась на Третьякову.

— Что такое?

— Я придумала, как можно Даню в лагерь затащить. Раз уж Яровой отличился на олимпиаде... И он, кстати, тоже в составе баскетбольной команды.

— Нет, — замотала я головой. — Нет, я не буду включать Никиту в список!

— Но ты же знаешь, где Яровой, там и наш Даня. Поговори с Никитой!

— Да мы столько времени нормально не общались, — почему-то смутилась я.

— Вот именно, что уже два года прошло. Хватит на него дуться!

Я принялась нервно выводить странные каракули рядом со списком, а Ирка озадаченно за мной наблюдала. В столо-

вую врывались солнечные лучи, и по раскрытой тетради и моим рукам расползлись тени от цветов.

– Почему вы все такие сложные? – наконец рассердилась я. – Один поедет лишь за своим лучшим дружком, у другой гормоны скачут, за смазливим парнем на край света готова! Кузя еще этот... тоже озабоченный! Почему нельзя просто поехать и как следует отдохнуть?

– В образовательном лагере? – захохотала Ирка. – Это может прельстить только таких чокнутых, как ты и Василевский. Слушай, а может, и у него гормоны шалят, и он все-таки из-за тебя?..

– Ш-ш! – испугалась я. – Тише!

Тем более что цветы как-то странно зашевелились.

– Не хочешь поболтать с Яровым – пожалуйста! – продолжила громко Ира. Она вечно разговаривает на повышенных тонах, особо не беспокоясь, что о ней подумают. Сколько раз нас рассаживали на уроках из-за Иркиной болтовни. – Но тогда Даня не поедет. И я не поеду. Будешь в лагере с Амельией тусоваться, у ритуального костра!

– Какого еще ритуального костра?

– Куда она принесет в жертву...

Ирка не договорила. Цветок вдруг заходил ходуном, и Третьякова вскрикнула.

– Хай! – появился довольный Даня. – Вы че тут шушукаетесь?

Парень уселся на один из стульев и оглядел кадушки с

цветами, которые расставила вокруг нас Ирка.

– У-у, как тут уютненько! Так что за тема для обсуждения сегодня на лобном месте?

– Поедешь в образовательный лагерь? – спросила я.

– Это в тот, где по четыре часа в день занимаются алгеброй и физикой?

– Ну да...

Даня громко рассмеялся. Вообще, как я уже говорила, Третьяковы довольно шумные ребята. И я так полагаю, мать решила отправить их в лагерь вместе, чтобы отдохнуть от детей хотя бы две недели.

– Смешная шутка, Верочка!

– Зря ржешь! – вступилась за меня Ира. – Там, между прочим, речка, свежий воздух, развлекательная программа...

– Какая? – Даня изобразил заинтересованность. – Пионербол? Дискотеки? Мне двенадцать лет, что ли?

– Ну-у, все понятно, – разочарованно протянула я.

Тогда Даня кивнул на список:

– Ладно, по старой дружбе даю тебе один шанс. Кто еще едет?

– Я, Ира, Василевский...

На Василевском Даня скривился в странной гримасе.

– Диана Руднева... – продолжила перечислять я.

Тут Ирка презрительно скорчилась.

– Знаете, да ну вас всех! – снова рассердилась я, хватая со стула свои вещи. – Друзья, называется! Вообще откажусь от

этого лагеря. Пусть Лидия Андреевна сама составляет список. Им такую возможность предоставляют, а они!..

– Вер, да ладно тебе, ты чего? – смутилась Ирка.

Даня тоже растерянно захлопал ресницами.

– Азарова, угомонись!

Я вылезла из зарослей. Амелия сидела за столом и, подперев голову рукой, читала какую-то книгу. Если честно, вдруг стало жутко интересно, что может увлечь необычную Циглер, наверняка какая-нибудь чернуха. Но книга была завернута в бумажную черную обложку, что еще больше подогрело мое любопытство. Странная она, конечно. Почувствовав мой взгляд, Амелия подняла голову и снова сердито посмотрела на меня. Я отвернулась и понеслась к выходу.

Выбежав на крыльцо, обнаружила Никиту Ярового. Тот сидел на перилах и играл в какую-то игрушку на телефоне. Легкий ветер трепал его русые взлохмаченные волосы, а вид у одноклассника был таким серьезным и сосредоточенным, будто он, по меньшей мере, участвует в мировых соревнованиях. Я не смогла сдержать улыбку. Когда парень вдруг резко оторвался от игры и посмотрел на меня, я тут же сделала серьезный вид и даже нахмурилась. Никита скользнул по мне равнодушным взглядом и снова уткнулся в телефон. А ведь когда-то все было совершенно по-другому. Не помню ни единого дня, который бы мы провели не вместе.

Я еще некоторое время сосредоточенно разглядывала профиль парня, думая, как дальше поступить. Уйти домой

или попытать счастье и пригласить в лагерь Ярового? Конечно, это пустая трата времени, он ни за что не согласится поехать, а я только снова унижусь перед ним.

И все-таки я сделала пару шагов и остановилась рядом с парнем. Ни один мускул не дрогнул на лице Никиты. Яровой продолжил быстро водить большими пальцами по сенсорному экрану. Я театрально откашлялась.

– Азарова, у тебя какое-то дело ко мне? – спросил наконец Никита.

– Ну да...

– Я занят.

Если он решил, что я уйду, поджав хвост, то не на ту напал. Я подошла к высоким перилам и попыталась усестся рядом с парнем. Кое-как взгромоздилась. Тяжелый школьный рюкзак с книгами и физкультурной формой едва не перевесил, и я чуть не улетела спиной вниз, но Никита, быстро убрав телефон в карман флисовой толстовки, успел меня подхватить.

– Спасибо, – смутилась я.

Из кармана Никиты заиграла какая-то трагичная, устрашающая мелодия.

– Если что, я из-за тебя последний уровень слил, – сказал парень, продолжая удерживать меня. – И если это твое дело того не стоит...

Глава третья

– Поздравляю с первым местом по физике! – торжественно сказала я.

Решила начать издалека. Никита удивленно на меня уставился. Я даже забыла, когда в последний раз смотрела в его серые, как туманное утро, глаза.

– Спасибо, конечно, но олимпиада была еще в феврале, – ответил Яровой.

– Лучше поздно, чем никогда, – пробормотала я. – Может, ты меня отпустишь? Я больше не падаю.

Со стороны вообще могло показаться, что мы сидим с Никитой в обнимку. Еще кто из учителей увидит. Это Соболев может лобызаться в школьном коридоре с Кузей, я себе таких вольностей не позволяю.

Яровой усмехнулся и убрал руки. Снова достал из кармана телефон. Музыка с трагичной сменилась на бодрую.

Я молча наблюдала, как Никита загрузил игру. По школьному двору, поднимая столбом пыль, загулял ветер. Тогда одноклассник натянул на голову черный капюшон.

– А еще ваша баскетбольная команда здорово на областных соревнованиях выступила. Какие вы молодцы!

– Вера, что тебе от меня надо? – не отрываясь от телефона, спросил Никита. Не с раздражением, а с какой-то взрослой усталостью, будто я несмышленный ребенок, который день и

ночь допекает его, такого взросленького.

– Поедешь в летнюю школу? – спросила я. – Я тут список сейчас составляю... Если ты поедешь, Даня Третьяков тоже.

Никита снова усмехнулся и ничего не ответил. Терпеть не могу в нем эту привычку. Он может запросто проигнорировать неудобный ему вопрос, оставив собеседника без ответа. Просто сделать вид, что ему это неинтересно, и все. Порой с ним совершенно невозможно нормально разговаривать!

– Что скажешь? – спросила я после некоторой паузы. От меня тоже просто так не отделаться. Отец вечно твердит, что нет на этом свете никого упрямее меня.

– Нет.

– Ты даже не подумал! Подумай!

– Хорошо, подумаю, – согласился Никита.

Я выдохнула с облегчением. Но Яровой тут же произнес:

– Подумал.

– Уже? И как?

– Нет.

– Ты невозможный человек! – взорвалась я, поспешно слезая с перил. Хотела добавить: «Вот поэтому я с тобой уже два года не общаюсь!» Но промолчала. Ни к чему беречь прошлые обиды, буду выше этого.

– Почему я вообще должен ехать в этот лагерь? – спросил Никита. Видимо, в игре был какой-то ответственный момент, потому как парень снова нахмурился и даже нижнюю губу закусил.

– Потому что Лидия Андреевна туда отправляет самых достойных учеников. А ты – достойный, – пришлось признать мне. – Но все-таки придурок.

– Достойный придурок? – хрипловато рассмеялся Никита. – Спасибо, Верона, я польщен.

Внезапно парень убрал телефон в карман и тоже спрыгнул с перил.

– Опять проиграл из-за тебя. Ходишь, отвлекаешь тут...

Мы оба спустились с крыльца и отправились в сторону ворот. Стоило ли говорить, что мы с Никитой живем в одном дворе? Поверить не могу, столько времени я и Яровой не возвращались домой вместе. Из-за этого дурацкого лагеря мне пришлось поступиться своими принципами и первой с ним заговорить.

– Вообще ты зря отказываешься, – начала я, поглядывая на Никиту снизу вверх. Кажется, за то время, что мы не общались, он стал еще выше. Теперь я едва доставала ему до плеча. – Лагерь в старом красивом пансионате, на берегу большого озера.

– Вера, я похож на пенсионерку, которая жаждет отдыхать в пансионате?

– Совсем не похож, – сказала я.

– Тогда чего ты ко мне привязалась?

– Просто мне Лидия Андреевна поручила составить список, – упрямо повторила я.

– Что ты все носишься со своей общественной деятельно-

стью? Неужели тебе это все действительно интересно?

Я молча проводила взглядом проплывающий мимо нас переполненный троллейбус. Глубоко вдохнула свежий майский ветер. Что ответить Никите? Не признаешься же, что для меня то, что остальные считают скукой и несусветной глупостью, действительно важно. Мне не хотелось расстраивать нашу директрису. Это странно, когда чужая женщина искренне волнуется за тебя и радуется твоим успехам больше, чем родная мама. Странно, но все-таки приятно.

– Да, мне это интересно, – вспыхнув, наконец ответила я. – И вообще, список уже утвержден, и ты в нем, Яровой, есть! Так что, если какие-то проблемы, сам иди к Лидии Андреевне и из него выписывайся, ясно?

– Ты серьезно? – Никита даже на несколько секунд остановился.

– Еще как серьезно, – буркнула я.

До двора мы добрались, не проронив ни слова. Я шла быстрым шагом, чтобы оторваться от одноклассника, но тот, будто нарочно, подстраивался под мой темп.

Когда свернула к своему подъезду, Яровой выкрикнул:

– Верона, ты не могла так со мной поступить! За что?

Я развернулась и лишь развела руками.

– Думал, мы с тобой друзья навек, – продолжил Никита. Стянул с головы капюшон, и ветер снова принялся трепать его русые волосы. Руки в карманах, насмешливый взгляд... Друзья навек? Это он издевается, наверное. Нет давно ника-

кой дружбы. Взяла и утонула в глубокой мутной луже... – Раньше ты меня выручала. Надеялся, что все осталось по-прежнему.

– Меня по-прежнему от тебя тошнит, – сказала я.

Никита, как обычно, проигнорировал то, что ему не нравилось. Помахал мне рукой на прощание и послал воздушный поцелуй. Я в ответ лишь покачала головой и молча зашла в подъезд.

* * *

Из-за ссоры в столовой обед у Третьяковых сегодня отпадал, поэтому, разувшись, мне первым делом пришлось тащиться на кухню и исследовать полупустой холодильник. Ветчина, сыр, маслины... На столе – початая бутылка вина. Отец вчера поздно вернулся от неизвестной Кати, разговор с которой я подслушала, и принес с собой красное вино. Интересно. Утром я, как ревнивая жена, исследовала брошенную на стул мужскую рубашку. От нее пахло сладкими пионами, и почему-то в ту секунду я решила, что отныне ненавижу эти цветы.

А хлеба нет. Придется идти в магазин. Софья Николаевна укатила на дачу и приедет только на следующей неделе. Поэтому пока буду перебиваться бутербродами с чаем.

Вернувшись из магазина, взялась за «готовку». Нарезала хлеб, ветчину. Распечатала плитку молочного шоколада. В

квартире было так тихо, что я снова вернулась мыслями к вчерашнему звонку Соболев. Сегодня на уроках Оксана делала вид, будто ничего не произошло. Может, потому, что Марк не обращал на меня внимания? Зато на большой перемене Василевский охотно болтал со Смирновой и Симоновой, и Оксана тотчас же переключила свое внимание на них. Сумасшедшая. Чую, в лагере я с ними не засучаю.

Жуя бутерброд, я отправилась в свою комнату, за ноутбук. Стряхнула с клавиатуры крошки, включила его, зашла в «ВК» и с удивлением обнаружила сообщение от Рудневой. Поссорившись с нами еще в восьмом классе, она мне ни разу не писала. Мы и в гимназии-то с ней лишь изредка здоровались в коридоре. А вот Ирка вообще включила полный игнор.

«Привет! Класснуха сказала, что меня в какой-то список записали. Ты за это ответственная?»

Отлично. Еще одна решила съехать с темы. Я, уже решив, что больше не буду составлять никаких списков, собиралась написать, чтобы Руднева не беспокоилась. Насильно никого везти не будут. Но не успела напечатать ответ, как Ди прислала следующее сообщение:

«Скажи, плиз, кто еще поедет? Для меня это очень важно!»

Рассказать ей про Ирку? Тогда пропадет хоть призрачная надежда на то, что Диана тоже будет в моем списке. Третья-

кова ж ей в волосы вцепится в случае чего. Тогда я написала:

«Из нашего класса точно едут Соболь и Василевский».

«Тогда я тоже еду!» – тут же настрочила Руднева.

Ну, все ясно... Диана собралась в лагерь вслед за своей подругой Соболь. Когда-то Руднева дружила со мной, Иррой, Даней и Никитой. Можно сказать, что впятером мы были неразлейвода. Только за одно лето Ди стала совершенно другой. Начала болтать о популярности и почему-то высмеивать наши с Иркой интересы. А с нового учебного года вдруг очутилась в компании Соболь. Хотя Диана училась в параллельном, «Б» классе, на переменах частенько заглядывала к нам, только теперь направлялась к парте, за которой сидела Оксана. Руднева во всем копировала Соболь. И даже носила такие же яркие фенечки, как Соболиха. А в нашем дворе Диана больше не гуляла. Если мы с ней где-то и пересекались, то в кинотеатре, куда она приходила с Оксаной и ее шумными друзьями. Внезапно мы с Иркой стали для Дианы непопулярными и неинтересными. Третьякова расценила это как предательство и до сих пор даже не здоровалась с Дианой. Я же восприняла наш разлад спокойней, как само собой разумеющееся. Уже привыкла, что близкие люди могут так просто уходить из моей жизни.

Звонок в дверь раздался резко и неожиданно. Я надеясь, это нарисовалась Ирка с новостью о том, что Даня все-таки принял мое предложение. Но на пороге стояла Софья

Николаевна с двумя тяжелыми пакетами.

– Думала, вы на даче, – растерянно проговорила я, пропуская ее в квартиру.

– Планы поменялись, – сообщила Софья Николаевна, сразу же направившись на кухню. Звякнув кастрюлями, принялась выкладывать содержимое пакетов на стол. – К внукам в город вернулась присматривать. Зять с дочкой на десять дней в Турцию летят по горячей путевке. Буду у них пока жить, а у вас, получается, еще не скоро появлюсь. Справитесь?

– Справимся, – пообещала я. – Не маленькие.

Софья Николаевна посмотрела на меня и усмехнулась.

– Здесь плов, здесь редис для салата... А тут пирог с грушей. Отец эти дни как? В настроении?

– Угу, очень даже.

Почему-то я не стала рассказывать тете Соне о предстоящем ужине с новой пассией папы.

– Ну и замечательно! Надеюсь, за то время, что меня не будет, обойдетесь без происшествий.

В тот момент я была уверена, что все будет хорошо, но судьба приготовила для нас свои сюрпризы.

Софья Николаевна неодобрительно посмотрела на бутылку вина, а открыв холодильник, цокнула языком.

– Ребенок, ты снова на одних бутербродах? – нестрого спросила она.

– Подумаешь. Они вкусные!

– Садись за стол, плов подогрею.

– Да я только бутик доела, – вяло запротестовала я.

– Садись-садись. Живо!

Пришлось подчиниться. Я делала недовольное лицо, мол, совсем голодна, а меня заставляют есть, как маленькую... Но у самой от уютного звяканья посуды и ароматных запахов поселилось в душе счастье.

Завершив дела по дому, Софья Николаевна убежала к внукам. Я позвонила Ирке, но у Третьяковых в этот вечер были гости, поэтому мы с подругой толком не пообщались. Сделав на завтра уроки, я завалилась на кровать с книгой.

Папа вернулся позже обычного. Я слышала, как гремел замок в прихожей. Думала, отец, по привычке, сразу направится в душ, но он первым делом заглянул ко мне. В комнату тут же проник запах дорогого парфюма и алкоголя.

– Как дела? – спросил отец.

– Нормально, – ответила я. – Что сегодня отмечал?

– У нас новый заграничный партнер, – похвастался папа. Его глаза блестели. – Я в июне в Италию улетаю, Вера. Поживешь одна?

– Я сама на две недели в лагерь уезжаю, забыл? – буркнула я.

– В лагерь? – озадачился отец. А ведь я ему сто раз об этом говорила. И не удивилась бы, если б он сейчас спросил: «А вообще, сколько тебе лет, Вера?»

– Да, в лагерь. Дали путевку за хорошую успеваемость, –

как маленькому, терпеливо принялась объяснять ему я. – Еду за счет гимназии.

– Так ты у меня молодец, отличница, – широко улыбнулся папа. Когда он так улыбался, то казался еще моложе. В такие моменты был похож на студента, одолжившего у отца костюм и галстук, которые ему, впрочем, шли.

– Спасибо, папа, – кивнула я, возвращаясь к книге. Попутно взглянула на наручные часы. Было уже поздно, но никто никогда не гнал меня в постель. Не напоминал, что завтра в школу, не спрашивал, сделала ли я уроки... Порой мне было дико слышать от Ирки, что их с Даней за что-то собирается наказать отец. Я бы, наоборот, с радостью наказала своего папу. Оставила бы его под домашним арестом, чтобы он, например, не задерживался по вечерам в баре с друзьями или не знакомился со всякими девицами легкого поведения.

– Катерина за тобой, если что, присмотрит.

– Катерина? – удивилась я.

– Ты забыла про завтра? Мы идем в ресторан. Втроем. Не сюда же ее приглашать...

Отец растерянно оглядел нашу квартиру.

– Если только ты захочешь что-то нам приготовить, – немного смущенно добавил он.

– Сам готовь! – грубо ответила я. – Для своей Кати.

– Та-ак, – протянул отец. – Кажется, уже что-то намечается.

Я уставилась в раскрытую книгу, но не могла прочитать

ни строчки. Меня накрыло уже знакомой взрывной волной. Подобное я испытывала в прошлом, когда мама рассказала о своем мексиканце.

– Просто не хочу, чтобы за мной кто-то присматривал, – наконец сказала я. – Тем более какая-то Катерина. Откуда она вообще взялась?

– Хочешь ты с ней знакомиться или нет, но она все равно будет в моей жизни, – строго сказал отец. Казалось, после этого нравоучения у него весь хмель вышибло. – Будь готова в пятницу, поняла?

Я упрямо молчала. Думала, папа выйдет из комнаты, но он вдруг устало потер ладонью лоб и как-то странно расхохотался.

– Черт возьми, подростки! Я знал, что рано или поздно это случится. Забавно, но я вообще не помню себя в твоём возрасте.

Отец уселся передо мной на полу и положил голову на кровать, как провинившийся пес. Я нарочно отвела взгляд.

– Вер, я инфантильный, да?

– Такой же, как и мама.

– Прости. Ты никогда не думала, почему так сложно признаться в чувствах тому, кто дорог тебе больше всего на свете?

– Это ты сейчас к чему? – насторожилась я. Неужели он решил излить мне душу по поводу Катерины?

– Так просто было сказать тебе о своей любви, когда ты

была маленькой девочкой. А сейчас все как-то... Странно. Вера, ты же знаешь, как я к тебе отношусь?

– Ты меня любишь, наверное? – подсказала я.

– Да, – кивнул отец. – Ты права. Люблю.

И снова рассмеялся. Только на сей раз не растерянно, а как-то грустно. Тогда я осторожно коснулась рукой его волос. Мы молчали.

– Может, все-таки примешь мое приглашение и мы все вместе поужинаем завтра. Дай ей шанс, пожалуйста.

– Хорошо, – согласилась я. Но все-таки мысль, что в нашей квартире появится какая-то незнакомая женщина, меня пугала. Только мы научились жить без мамы, и тут такое.

– Отлично! – папа быстро поднялся на ноги. – Тогда уроки заранее сделай на субботу. А вы вообще учитесь по субботам?

Я только вздохнула. Отец улыбнулся и, что-то напевая, вышел из комнаты. Оставшись одна, я взяла в руки телефон и отыскивала мамин номер. Мама говорила, чтобы я позвонила ей, как только что-то подобное случится. Потому что отец в жизни не скажет ей о своих намерениях во второй раз жениться. В Мехико сейчас в самом разгаре рабочий день и +27 градусов, в то время как у нас вечер был пыльным и ветреным.

Я долго смотрела на номер, не решалась нажать на вызов. В конце концов снова убрала телефон под подушку. Мама говорила, я могу ей позвонить в любое время, когда мне бу-

дет плохо. Например, как сейчас. Но я почему-то никогда этого не делала.

* * *

Из кабинета химии мы с Третьяковой еле выползли. Итоговая контрольная за год далась обоим тяжело. Ни я, ни Ирка особо химию не понимали, и если бы не записка от Дани, в которой он подробно расписал ответы на пару задач сразу по двум вариантам, мы бы вообще не справились.

– Какой же твой брат молодец, – сказала я, когда мы шли по коридору.

– Ага! Думаешь, это все бесплатно? Да дома он мне столько поручений даст, что я свихнусь! Заставит кроссовки его почистить, шмотки погладить... Даня бескорыстно ничего для меня не делает.

Я обняла за шею ворчащую Ирку. Как здорово, что Третьяковы есть в моей скучной никчемной жизни. Без них бы я совсем пропала. Особенно без Ирки. И, конечно, было бы совсем кисло без вкусных котлет ее мамы.

– Скоро в лагерь покатим, собирай сумки, – сказала я. – И Дане то же самое передай.

– Ты поговорила наконец с Никитой? – посмотрела мне в глаза Ирка.

– Ну как поговорила... – замялась я. – Просто с утра сдала Лидии Андреевне список из десяти фамилий.

– Что? – громко ахнула Ира. – Просто сдала список?

На нас стали оборачиваться. Третьякова даже театрально ладонями за лицо ухватилась, будто я сообщила ей о какой-то страшной трагедии.

– Ну да, кто против, пусть сам с директрисой разбирается.

Если честно, единственный человек, кто точно против, – это Яровой. И я до конца не знала, почему так поступила. Сдала этот несчастный список лишь назло ему.

– И ты даже не говорила с Никитой про лагерь?

– Почему не говорила? Говорила.

– Ну слава богу! – выдохнула Ира. – Значит, он хотя бы в курсе.

– В курсе. Только Никита отказался.

– Он... что? Вера, тебе конец!

– Не драматизируй! Все будет отлично, – не слишком уверенно откликнулась я. – Тем более мне сейчас совсем не до Никиты. Я с папой в ресторан иду на встречу с какой-то теткой.

– Какой еще теткой? – не поняла Ира. – Родственницей, что ль?

– Нет же, папа хочет меня с кем-то познакомить.

Ирка только присвистнула.

– Новая мамка?

– Ой, даже представить страшно.

В тот момент, когда мы проходили мимо кабинета Лидии Андреевны, оттуда вышел Яровой. Заметив нас, выкрикнул:

– Верона!

– Спасайся! – заголосила Ирка.

Я передала ей рюкзак, чтобы легче было убежать, и припустила вперед. Никита за мной. Пока я сбегала по лестнице, расталкивая учеников, Яровой скатился с перил и оказался на первом этаже раньше, чем я. Тут же схватил меня за запястье и потянул на себя.

– Азарова, что за фигня? Я думал, ты вчера блефовала, – сказал Никита.

Впервые за два года его серые глаза были так близко. Я отвела взгляд и уставилась на воротник светлой рубашки Ярового.

– Мы ж не в покере, чтобы блефовать, – наконец ответила я. – И руку отпусти. Что ты второй день лапаешь меня?

Кажется, Никита ничуть не смутился, но запястье все же отпустил.

– Как думаешь, что я тебе за это сделаю? – спросил он. Тогда я осмелилась поднять голову и посмотреть на Ярового. Лицо парня было не рассерженным, а каким-то насмешливым, словно его забавляло все, что сейчас происходит.

– Ударить? Снова толкнешь в грязь? – не удержалась я.

Тогда Никита внезапно стушевался. Схватил мое лицо теплыми ладонями и склонился ближе. Его серые глаза тут же приобрели зеленоватый отлив. Так всегда происходило, когда Никита злился. Забавно, но за то время, что мы не общались, я совсем забыла об этом.

– Какая же ты упрямая, Верона, – не отрывая взгляд, проговорил Никита. – Упрямая глупая девочка, которая думает, что всегда будет так, как она захочет.

Я даже возмутиться не успела. Только хотела толкнуть Никиту руками в грудь и сказать, чтоб не смел больше никогда меня трогать, как Яровой сам убрал ладони от моего лица и, резко развернувшись, направился прочь по коридору. Я лишь уткнулась растерянным взглядом в его спину. Пове- рить не могу, что раньше искренне считала Никиту самым лучшим человеком на земле.

Глава четвертая

Весь последний урок я гипнотизировала модно выбритый затылок Василевского. Никто в параллели не одевался так стильно и дорого, как Марк. Он уверенно отвечал с места на вопросы учителя, а еще пару раз довольно забавно пошутил. Все девчонки, как по команде, расхохотались. Я тоже не смогла сдержать улыбку. Только Ирка склонилась ко мне и зашипела:

– Все прослушала. А че они надрываются?

Я лишь отмахнулась от Третьяковой. Что и говорить, Марк Василевский появился в нашем классе эффектно, затмив всех остальных парней. Даже ловеласа Даню и его дружка Ярового. Хотя это только Третьяков носит в гимназии корону и флиртует со всеми напрапалую. Иллюзий по поводу Никиты никто из девочек особо не строил. Яровой всегда держался холодно с одноклассниками. Хотя, конечно, несколько раз я видела его во дворе с какими-то незнакомыми девчонками, которых он приглашал к себе. Я наблюдала из окна, затаив дыхание и боясь, что Яровой вот-вот обернется и привычно глянет на наши окна. Но с тех пор как однажды мы крупно поссорились, Никита больше никогда не смотрел на окно моей комнаты.

А Марк с первого дня понравился многим одноклассникам, в том числе и Соболю, которая к тому времени уже

встречалась с Максом Кузьменко. Марк отлично учится, свободно говорит на двух иностранных языках и получил разряд кандидата в мастера спорта по легкой атлетике. Василевский вписался в наш класс, будто всегда был в нем, да еще и тут же занял лидерские позиции, влюбив в себя не только старшеклассниц, но и учителей. Может, другие парни, как Даня, и затаили злобу на Василевского, но никто в открытую с Марком не конфликтовал. Вообще от Василевского веяло уверенностью, спокойствием и вечерним ласковым солнцем. Сразу было заметно, что парень из обеспеченной и любящей семьи. Всегда на позитиве, всегда придет на помощь... За наш первый совместный учебный год мне удалось выявить в нем всего лишь один минус: ему нравятся абсолютно все. На девчонок он смотрит одинаково, никого не выделяя; и с парнями держится дружелюбно и приветливо. Будто мы, его новые одноклассники, однородная масса, к которой нужен одинаковый подход. Разве можно относиться ко всем равно? Именно поэтому, когда Марк вдруг начал уделять мне внимание, я стала намного чаще думать о нем. Было интересно, чем я вдруг заинтересовала этого парня. В конце концов, в какой-то момент Василевский занял все мои мысли.

В конце урока мне пришлось отвлечься от любования Марком, потому как в класс вошла Лидия Андреевна. Директриса долго извинялась перед русичкой, говорила, что не займет много времени. Рассказала о предстоящей поездке в летнюю школу, огласила список фамилий. Не удержавшись,

я все-таки обернулась к Никите и встретила с его холодными серыми глазами. Как чувствовала, что в этот момент он сверлил меня ненавидящим взглядом. Я едва удержалась, чтобы язвительно не расхохотаться. Не знаю, откуда вдруг во мне взялось желание насолить Яровому. До недавнего времени казалось, что Никита – пустое место и мне в принципе все равно, что он чувствует.

Потом Лидия Андреевна начала горячо благодарить меня за содействие и сообщила, что одноклассники, попавшие в список, должны сказать мне спасибо за поездку. Мол, это я учла их заслуги перед гимназией и посчитала достойными путевки. Мне снова стало жутко неудобно из-за этой похвалы, потому как половина одноклассников тут же обернулись на нашу с Иркой парту.

А после урока ко мне снова подошел Марк. Да еще и в тот момент, когда из класса никто не успел выйти.

– Спасибо тебе, Вера, – улыбнулся он.

– Да не за что, – тихо произнесла я. – Ты ведь сам попросил включить тебя в список, я и включила.

Ирка закашлялась, а потом подошла ко мне и шепнула на ухо:

– Это ведь всего лишь повод поболтать с тобой. Что ты стоишь, как неживая? Улыбнись хоть!

А я не могу! Губы не шевелятся, и язык будто отсох. Я понимала, что Марк подошел не просто так, и эта мысль доставила мне удовольствие. Снова стало светло, хотя и немного

неуютно. Будто я долгое время провела в темном помещении и наконец вышла на солнечный свет.

Если честно, никто из парней до этого ко мне не подкатывал, поэтому я, стоя перед Марком, ощущала себя очень глупо. Еще и Ирка постоянно меня дергала. Я чувствовала, как ноги наливаются тяжестью. А еще испугалась, что Третьякова прошептала свои наставления слишком громко, и сердце мое стучит так отчаянно, что это услышит не только Василевский, но и весь класс. Десятки взглядов уже устремились в нашу сторону.

Мало того, Марк вдруг взял меня за руку, и мы вдвоем направились к выходу. Василевский что-то говорил про лагерь, про сборы, про итоговую контрольную по химии, но я только кивала и неотрывно пялилась в его голубые глаза. Напоследок Василевский обнял меня. Тогда я совсем растерялась. В это время мимо нас пробежала Диана Руднева. Девчонка крикнула звонким голосом:

– Лидия Андреевна к нам на перемене заходила, велела тебя за список поблагодарить. Спасибо, Вер!

Я только кивнула.

– До встречи, Вера, – улыбнулся Марк.

– До встречи, – пролепетала я.

А потом ко мне подлетела рассерженная Ирка с кучей громких претензий:

– Ты что, с Рудневой разговариваешь? С этой предательницей? А почему Василевского в ответ не обняла? Ой, Вера!

Какая ж ты все-таки... Нет, он точно на тебя запал!

– С чего это вдруг? – спросила я. В ногах снова легкость, будто до этого со мной случилось какое-то наваждение.

– Уж больно часто вертеться вокруг тебя стал. А ты амеба амебой! Слушай, следующий шаг обязательно должен быть за тобой. Не теряйся!

– Какой шаг? – не поняла я. – И ты не могла бы не кричать об этом на всю гимназию?

Ирка с пониманием закивала, но говорить стала ничуть не тише:

– Ну, если он не увидит твоей заинтересованности, то сольется. Поверь мне! Данька говорил, что парням нечего любить, когда нет ответной реакции. Мол, зачем тратить время, ведь еще так много рыбы в море. Даня не истина в последней инстанции, конечно, но ты бы хоть в ответ пофлиртowała с Марком.

– Пофлиртowała? А как? – спросила я.

Ирка, взяв меня под руку, повела к гардеробу.

– Ну ты что, не флиртowała никогда? – удивилась Третьякова.

– Нет, – честно ответила я. – С кем? И тебе ли этого не знать.

Ирка только растерянно захлопала глазами.

– Действительно. Что-то я ничего такого не припомню. Ладно, не переживай, что-нибудь придумаем. Возьмем его горяченьким.

Я только рассмеялась. Третьякова такого напридумывает, мало не покажется.

У Ирки дома мы снова уселись с тарелками на балконе, но, на удивление, мне кусок в горло не лез. Заметив мое настроение, подруга спросила:

– Ты не больна?

– Да нет, просто ведь недавно обедала в столовке, – ответила я. – К тому же мы сегодня с папой в ресторан идем, там поем.

Кажется, это и было причиной потери аппетита, хотя Третьякова все списала на мою любовь к Василевскому. Но чем ближе был час икс – совместный ужин с Катериной, тем сильнее я нервничала, и идти мне никуда не хотелось. Чувствовала, как от волнения подкатывает тошнота. Но не пойти я не могла. Поэтому, спустя пару часов спустившись домой от Ирки, принялась за сборы.

Сильно наряжаться для незнакомой женщины, которая, возможно, даже когда-нибудь переедет к нам, не хотелось. Но папа все-таки будет ждать меня в приличном месте – дорогом ресторане, поэтому я достала из шкафа платье, которое надевала лишь раз, на свадьбу троюродной сестры в прошлом году. Его отец купил без моего ведома. Наверное, снова думал, что мне лет двенадцать, иначе как объяснить всю нелепость этого наряда? Светло-голубое, с пышной юбкой и рукавами-фонариками. В нем я напоминала себе куклу Тутти из «Трех толстяков», а еще казалась младше своих

лет. Стоя в этом дурацком платье перед зеркалом, почему-то представила себе, как незнакомая женщина потреплет меня по щеке и, сюсюкая, проговорит отцу что-то вроде: «Ой, какая она у тебя холёсенькая!» Тошнить начало сильнее. Тогда я взяла из косметички черный карандаш и как следует подвела глаза, совсем как Амелия Циглер. Теперь мой вид получился еще более странным. Воздушное нарядное платье совсем не гармонировало с тяжелым макияжем. Наверняка папина новая пассия решит, что я сложный подросток, которому не хватает внимания. А мне его вообще хватает? Ведь на самом деле я часто чувствую себя одинокой. И какая, к черту, разница, что подумает обо мне какая-то Катерина? Я отлипла от зеркала, выбежала в прихожую и, схватив с вешалки джинсовку, выскочила за дверь.

Отец встретил меня у входа в ресторан. Он стоял на крыльце и с кем-то болтал по телефону. Я терпеливо топталась рядом в ожидании, когда он завершит разговор.

– Привет, – проговорил папа, положив трубку и рассеянно чмокнув меня в макушку. Потом схватил за плечи и отстранил от себя. Внимательно оглядел лицо. – А ты обычно так и красишься? Не замечал раньше.

– Обычно – нет, – сказала я. Все-таки зря я, наверное, совершила этот небольшой акт протеста. Думала, папа ничего не заметит. – Но сегодня же необычный вечер, – добавила я язвительно.

– Да, да, – закивал отец, явно не уловив мой сарказм. –

Ну что, заходим внутрь? Катерина звонила. Она немного задерживается.

– Не отличается твоя Катерина пунктуальностью, – проворчала я.

– Перестань! – рассмеялся отец. – Она тебе понравится.

Я лишь натянуто улыбнулась в ответ. Сама почему-то в этом очень сомневалась.

В нарядном просторном зале ресторана наигрывал оркестр. Мы заняли столик у окна. Отец с рассеянным видом взял меню и протянул мне.

– Выбирай, что хочешь.

А сам сцепил руки замком и неотрывно следил за дверью. Волнуется. У меня точно такая же привычка сцеплять руки до побелевших костяшек. Например, когда я плохо готовлюсь к урокам и боюсь, что меня вызовут, сижу за партой в такой же позе.

– Я тут впервые, сам выбирай, – наконец отодвинула я от себя папку с меню.

– Хорошо.

Отец подозвал официанта и сделал заказ. Потом снова посмотрел на дверь, и вдруг его лицо просветлело. Папа как-то странно и незнакомо для меня улыбался. Никогда прежде не видела на его лице такую улыбку – влюбленного и счастливого человека. Тогда я, заинтересовавшись, тоже повернулась к входу в зал. И то, что я увидела, если честно, привело меня в шок.

– Пап, это что, шутка? – нахмурившись, спросила я.

– А что такое? – взволнованно спросил отец.

Я не сводила взгляда с миниатюрной брюнетки, которая, звонко стуча каблучками, приближалась к нашему столику. Сколько же ей лет?

– Ты бы еще с девчонкой из параллельного класса замутил, – прошипела я.

– Я же говорил, у вас много общего, – отмахнулся отец, вставая на ноги, чтобы поприветствовать свою новую пассию.

– Она моя ровесница? – ахнула я.

– За кого ты меня принимаешь? – оскорбился отец. – Катерине двадцать пять.

Я только удрученно вздохнула. Катерина оказалась то-ненькой, словно тростиночка. С длинными темными волосами и подтянутой фигурой без единого изъяна. А еще с неестественным загаром. Видела бы эту девицу Ирка, обязательно бы высмеяла и обозвала «муклой». Мы с Третьяковой часто таких «Катерин» обсуждали.

Брюнетка широко и как-то дерзко улыбалась. Она не похожа на маму. Совсем. Моя мама – высокая натуральная блондинка с карими глазами и рассеянной доброй улыбкой. Сроду бы не подумала, что папу может привлечь совершенно иной тип женщины. Отец чмокнул Катерину в щеку и помог сесть.

– Простите, задержалась, – низким голосом проговорила

брюнетка. — Долго ждете?

— Что ты... — начал папа.

— Долго, — сказала я, перебив отца.

Тогда Катерина подняла на меня карие глаза и улыбнулась, сверкнув белоснежными зубами.

— Прости, Вера. Я больше так не буду.

Мне показалось или в ее голосе звучала ирония? Хотя улыбка в тот момент была довольно искренней. Из-за этого я немного ступевалась.

— Ладно, что уж...

За столом воцарилось неловкое молчание. Отец попеременно смотрел то на меня, то на брюнетку...

— Как дела в школе? — наконец спросил он. Мы с Катериной переглянулись.

— Разве мы здесь собрались для того, чтобы обсуждать мою школу? — искренне удивилась я. Папу никогда не интересовал этот вопрос, а тут вдруг вспомнил.

— И все-таки? — Теперь отец в волнении потирал руки.

— Нормально, — пожала я плечами. — Написали почти все годовые контрольные. Директриса утвердила список для лагеря.

Про лагерь я сказала нарочно, а то отец наверняка об этой поездке уже позабыл. Теперь мне еще больше не хотелось оставаться под присмотром разукрашенной Катерины.

— Для какого лагеря? — оживилась брюнетка. Вряд ли ее это особо интересовало, но возникшая до этого пауза достиг-

ла высшей точки, и молчать нам было уже просто неприлично.

– Для обычного, летнего, – ответила я, ковыряя вилкой белую скатерть. Говорить о том, что он еще образовательный с ежедневными занятиями по разным предметам, мне не хотелось. Катерина и так смотрела на меня свысока, как на маленького несмышленного ребенка.

– Вера у нас общественница, – ответил отец за меня. – Правая рука директрисы.

– Ну уж не правая рука, – возразила я.

– Общественница? – снова удивилась Катерина.

– Бывшая жена называет Веру Шурочкой из «Служебного романа».

Катерина как-то неестественно захихикала, а я впервые в жизни почему-то почувствовала себя неуютно из-за того, чем занимаюсь.

– Ну да, я люблю помогать другим, – сказала я.

– Ты, наверное, еще и отличница? – спросила Катерина. И из ее уст это прозвучало так, будто учиться на хорошие оценки – что-то забавное и недостойное. И все-таки хорошо, что я не сказала о направленности лагеря.

– У меня проблемы с физикой и химией, – призналась я.

Мне надоело, что мы обсуждаем мои школьные дела, а эта профурсетка еще и откровенно смеется.

– А вы с кем живете, Катерина? – спросила я без всякого перехода.

– Снимаю квартиру с подругой.

– А работаете где?

– Пока ищу себя, – призналась девушка.

– У-у, ну понятно, – сказала я, даже не пытаясь скрыть раздражение.

Отец почуял, что запахло жареным, и принялся расхваливать Катерине блюдо, которое он заказал, пока мы ее ждали. Я видела, что папа пытается найти между мной и Катериной какую-то общую тему, но из этой затеи у него ничего не получалось. Честно сказать, я не могла понять, чем же мы похожи, кроме того, что эта пигалица на шпильках может слушать ту же музыку, что и я.

Без стеснения я пялилась на Катерину, пока она разглядывала диковинное блюдо, которое наконец принес нам официант. Вздернутый нос, черные как смоль волосы, длинные ресницы. И пухлые губы – наверняка не свои. Но многим мужчинам такие девушки бесспорно нравятся. Поверить не могу, что мой отец попал в это число. Есть в этой девушке что-то, кроме внешности типичной инстадивы? Катерина подняла голову, и мы встретились взглядами. Заметив, как я таращусь на нее, брюнетка натянуто улыбнулась:

– Мне кажется, мы с тобой подружимся.

Ох, вряд ли. Такая девица скорее могла бы возглавить компанию Соболь, потеснив нашу школьную королеву. Я вспомнила чувства, которые испытала, когда мама представила мне по видеосвязи своего нового бойфренда: жгучего

мексиканца, ни слова не понимающего по-русски. Да и английский язык у него на уровне начальной школы. Мне казалось, я никогда не оправлюсь от «нового папы», а настоящий отец подсунул мне эту несчастную Катерину... Родители будто назло выбрали карикатурные вторые половинки. А кто бы им подошел? И подходили ли они друг другу? Решили бы мои папа и мама связать себя узами брака, если б у них случайно не получилась я?

Ужин наш не клеился. Отец безуспешно пытался найти точки соприкосновения, Катерина преимущественно молчала, а я практически каждую фразу папы воспринимала в штыки. В конце концов он молча расплатился за ужин, и мы вышли на улицу.

Повеяло вечерней прохладой. Отец, на секунду замешкавшись, снял с себя светлый тренч и накинул на плечи Катерины, которая явилась в ресторан в откровенном коротком платье.

– Потом вернешь, – сказал папа.

– Спасибо за ужин, – все-таки поблагодарила Катерина. При этом почему-то взглянула на меня, будто это была моя идея нам всем собраться. Я демонстративно отвернулась. Насмешливый тон этой разукрашенной девицы за ужином по поводу моей отличной успеваемости рассердил. И вообще, откуда она свалилась на наши головы? Меня вполне устраивало, когда папа крутил романы и ни с кем меня не знакомил. Значит, теперь все серьезно? Катерина переедет к нам?

Я уже представила всевозможные банки и склянки в ванной, глупые разговоры за завтраком... А еще она «ищет себя». Отлично! Значит, садится отцу на шею. От всех этих мыслей становилось тоскливо.

– Мы тебя подбросим до дома, – сказал папа Катерине.

– Не стоит, я закажу такси, – запротестовала брюнетка.

– Отличная идея, а то мне еще уроки делать, – встряла я. –

Некогда нам рассекать весь вечер по городу.

Хотя с домашним заданием я расквиталась еще у Третьяковых. Отец и Катерина переглянулись, папа растерянно пожал плечами, а его пассия ухмыльнулась. Думали, я не замечу?

– Приятно было познакомиться, – проговорила Катерина. Кажется, без особой искренности.

– Взаимно, – сказала я и первой направилась к парковке.

– Вера, возьми ключи! – выкрикнул папа. Пришлось возвращаться.

В машине я прождала еще минут пятнадцать, стараясь не пялиться в боковое зеркало на отца и Катерину, которые миловались на крыльце ресторана. Когда папа наконец сел на водительское сиденье, то первым делом сердито произнес:

– Где твои манеры? Ты вела себя невежливо.

– О чем ты с ней разговариваешь? – спросила я, пристегиваясь. – Она показалась мне пустой.

– Ты просто совсем ее не знаешь, – мягко возразил папа, выруливая с парковки. – Обычно она другая. У вас обеих

какая-то защитная реакция друг на друга. Я и тебя сегодня не узнаю. Чуть не сцепились, как две дворовые кошки.

Я молча уставилась в окно, за которым сверкали огни мегаполиса. Мы мчались по вечернему городу на приличной скорости.

– К тому же она слишком молодая! – горячо продолжила я. – Сколько у вас лет разницы? Ведь больше десяти!

– Ты еще совсем ребенок, – покачал головой папа.

– А на днях ты жаловался, что я теперь слишком взрослая, – тут же возразила я. – Тебе не угодишь.

– Разве любовь – это только про разговоры? – спросил папа, переводя взгляд на меня.

– Любовь – это и про разговоры, и про поцелуи. И про объятия, и про взаимопонимание, и про то, как засыпаешь и просыпаешься с мыслью об одном человеке. Любовь – это вообще про всё, – сказала я.

Отец продолжал искоса поглядывать и улыбаться.

– Какие познания, – наконец проговорил он. – А у тебя...

– Господи, папа, нет! – перебила я. Вот уж с кем, а с отцом я точно не собиралась обсуждать тему «Есть ли у тебя мальчик». – У меня никого нет. Это все в теории.

– А-а-а, – протянул папа. – Теоретик, значит.

Оставшийся путь мы проехали молча. Когда добрались до дома, двор уже окружили густые сумерки. Выходя из машины, я заметила вдалеке парня, похожего на Марка. Пригляделась: точно, он.

– Пап, я к Ире забегу и домой.

– А твои несделанные уроки? – насмешливо спросил отец, закрывая машину.

– Это и касается уроков, – сказала я, оглядываясь. Марк направлялся в сторону нашего дома. Первая мысль, которая мелькнула: «Наверняка он здесь не случайно...»

– Как знаешь, – ответил отец, проследив за моим взглядом. Увидел вдалеке парня и заулыбался. Его ехидная улыбка мне совсем не понравилась.

Захотелось убежать следом за ним в подъезд, чтобы много себе не надумывал, но почему-то я осталась стоять на месте. Разглядела, что у ног Марка крутится небольшой пушистый пес. Василевский еще и собачник. Боже, как мило! Марк что-то читал в смартфоне, экран освещал его красивое лицо. Но чем ближе одноклассник подходил к нашему дому, тем сильнее меня охватывала паника. Прямо как сегодня в гимназии. Ирка сказала, мне нужно сделать шаг навстречу... Выкрикнуть его имя? Подойти самой? Поболтать, спросить, что он забыл в наших краях? И я шагнула. Только в другую сторону. Отбежала на пару метров и спряталась под тополем. Просто вспомнила о своем дурацком виде – об этом детском платье с рукавами-фонариками, о своем «дерзком» макияже... Вот-вот Марк поднимет голову и разглядит мою фигуру под деревом. Еще больше запаниковав, я отлипла от тополя и бросилась в сторону старого детского городка. Нет ничего глупее прятаться в деревянном замке от парня, кото-

рый тебе до безумия нравится. Я вбежала на второй этаж и от неожиданности едва не вскрикнула.

– А ты что здесь делаешь?

Глава пятая

Никита сидел на полу, вытянув длинные ноги. В темных джинсах, серой кенгурухе и потертой джинсовой куртке. Я огляделась по сторонам. Забавно, не была в нашем убежище несколько лет, а здесь почти ничего не изменилось. Правда, на удивление, было очень чисто. И тесно. В детстве мне эта комнатка на втором этаже казалась намного просторнее. Яровой, подняв на меня глаза, казалось, ничуть не удивился нашей встрече. Медленно, будто нехотя, убрал ноги, пропуская меня сесть рядом. Я расположилась напротив, у небольшого окошка. Тоже уселась на пол, наплевав на нарядное платье. Никита молча продолжал оглядывать двор, слушая громкую музыку в наушниках. Я смогла разобрать старую песню «My Chemical Romance».

Некоторое время я тоже пялилась в небольшое окошечко, затем потянулась к Яровому, забрала у него один беспроводной наушник и всунула в свое ухо.

– До сих пор это слушаешь? – спросила я.

– Я много чего слушаю, – ответил Никита, не поворачивая ко мне головы. – Ты раньше их тоже любила.

– А я много кого и чего раньше любила, – сказала я. – Все можно перерасти.

Никита усмехнулся и наконец посмотрел на меня. В густом сумраке его серые глаза стали совсем темными, а

остальные черты лица будто смазались.

– Хорошая группа была. Жаль, что распались.

– Ничто хорошее не вечно. Так что ты здесь забыл?

– Я тут часто сижу, – сказал Яровой. – Обычно когда с отчимом поссорюсь.

– М-м.

В домике пахло сигаретами, мятной жвачкой и прохладным майским вечером. В этот момент по двору мимо моего подъезда прошли Марк и его забавный пес, похожий на пуховый шарик. А вдруг Василевский пришел в наш двор из-за меня? Ведь я говорила ему, где живу. От этой мысли я даже дышать перестала. Яровой тоже наблюдал за Марком из окна.

– А ты прячешься от своего мальчика-зайчика?

– Почему это он мальчик-зайчик?

– Всегда такой причесанный, – улыбнулся Яровой.

– Тебе б самому причесаться не мешало.

Но Яровой только нарочно взъерошил волосы еще больше. Затем так внимательно посмотрел на меня, что на секунду я не знала, куда себя деть. И эта сумрачная комнатка показалась мне еще меньше, чем была на самом деле.

– Ты сегодня как-то необычно выглядишь, – наконец произнес Никита.

Это он, вероятно, про мой макияж. Или про глупое платье Тутти.

– Мой протест миру, – сказала я с вызовом.

Никита немного помолчал, а потом засмеялся. Так громко и заразительно, я даже испугалась, что нас услышит Василевский. Марк по-прежнему стоял возле моего подъезда и ждал, пока его пес обнюхает все близлежащие кусты. Конечно, вряд ли Василевский пойдет проверять, кто там так расшумелся, но вполне может разобрать наши голоса.

– Блин, Никита, заткнись, – зашипела я, схватив Ярового за рукав джинсовки и попытавшись унять его дикий хохот. – Ты всегда смеешься над тем, что совсем не смешно. И держи свой наушник!

– Ты просто бунтарь в кукольном платье, – проговорил Яровой, забрав наушник и оглядев меня с ног до головы.

– Это долгая история, – только и сказала я.

Раньше я бы выложила ему все, что случилось. Но сейчас Яровой даже не уточнил, что же со мной произошло. Я снова выглянула в окно. В доме напротив, как по команде, зажегся свет.

– Если он тебе нравится, почему ты прячешься? – спросил Никита. Что ж, вполне логичный вопрос.

– Он мне не нравится, – покраснела я. Наверняка Никита видел мои позорные метания под топодем. – Ну, может, нравится, но совсем чуть-чуть.

– Понятно, – кивнул Яровой.

Но меня от охватившего смущения будто прорвало:

– Ирка сказала, что следующий шаг обязательно должен быть за мной. А я не знаю, как это – шагать кому-то на-

встречу, понимаешь?

Никита молча смотрел на меня.

– Зачем я тебе это сказала? – рассердилась я на себя.

– Действительно, – согласился Никита. – Хочешь, помогу?

– С Марком? А как? – засомневалась я. – Ты только можешь морды бить парням, которые мне нравятся.

Никита на мой выпад никак не отреагировал. Полез в карман джинсовки и достал оттуда старенький серый айпод «Нано».

– Твой прилизанный Маркуша сегодня в раздевалке оставил. Не успел ему отдать после физры, он уже умчался. Вот и шагай к нему навстречу вместе с айподом.

Я тут же протянула руку и взяла плеер. Что ж, отличный повод начать разговор с Василевским.

– Спасибо, – сказала я, покрутив в руках айпод. – Помог.

– Не просто так, – сверкнул белозубой улыбкой Чеширского кота Яровой.

– Кто б сомневался, – проворчала я, вспомнив недавнюю контрольную по химии. После нее Ирка уже была назначена до конца лета ответственной за вынос мусора. – У вас с Даней ничего просто так не бывает.

Никита, испытывая мое терпение, продолжал расслабленно улыбаться и молчать. Что он задумал? Терпеть такое поведение не могу. И оскал этот тоже. Еще не хватало потом весь вечер прокручивать в голове улыбающегося Ярового.

– Отмажешь меня от лагеря? – наконец попросил Ники-

та. – Правда, не хочу никуда ехать. Такое сборище народу вообще не для меня. Мне надо отдохнуть.

Теперь настала моя очередь глазеть на Никиту. Громкая музыка в его наушниках перестала играть, и в домике стало совсем тихо. Только деревья во дворе шумели листвой.

– Хорошо, – кивнула я. – Ты никуда не поедешь. Я найду тебе замену.

Никита снова улыбнулся.

– Спасибо. Ну что, Верона, вспомним молодость? В картишки?

Когда-то мы здесь сутками резались в карты.

– В картишки? – переспросила я.

– Ага, на раздевание, – Яровой поиграл бровями, а в его серых глазах запрыгали чертики. Конечно, никаких карт у Никиты с собой не было, это он так, снова хочет вывести меня из равновесия.

– Ты же знаешь, что я плохо играю в карты.

– Тогда сразу снимай с себя платье.

– Дурак!

Я, крепко сжимая в руках айпод Василевского, принялась на коленях выползать из домика, придерживая рукой край юбки.

– Спокойной ночи! – выкрикнула я, уже будучи на первом этаже. – Спасибо за айпод!

Яровой не отозвался. Что ж, кто бы сомневался.

Выбравшись из деревянного замка, я направилась по тем-

ному двору к своему подъезду. Пару раз обернулась к старому городку, точно зная, что Никита по-прежнему там и в эту самую секунду не сводит с меня взгляда. Странно, что за эти несколько дней мы общались с ним больше, чем за последние пару лет. А еще я вдруг осознала, что не испытываю к Яровому былой ненависти. Но и прежней любви тоже не было. Я больше не чувствовала абсолютно ничего, а это еще хуже.

* * *

После второго урока, когда большинство одноклассников уже покинули кабинет и отправились в столовую, к нашей с Иркой парте подошла Амелия Циглер.

– Привет! – поздоровалась она с нами. Голос у Амелии низкий и хриплый. И вообще, как уже говорила Ира, эта девочка вселяет какой-то ужас.

Третьякова, которая уже собиралась подняться из-за стола, замерла на месте.

– Привет! – ответила я.

Ирка продолжала недоуменно таращиться на одноклассницу, будто к нам подплыло привидение.

– Ты отвечаешь за список в лагерь? – спросила у меня Амелия. И тон ее был каким-то насмешливым, будто я занималась глупостями. Чем-то это мне напомнило вчерашний разговор с Катериной в ресторане.

– Ну, я за него отвечаю, – произнесла я с вызовом.

Как-то раз мы сцепились с Амелией. Она только пришла к нам в класс и на первом же уроке уселась на мое место. Тогда я тактично попробовала объяснить новенькой, что так дела не делаются и лучше бы ей подыскать другую парту. Циглер место уступила, но при этом обозвала меня глупой Барби и посоветовала подыскать себе новые мозги. Произнесла она это так громко, что обидную реплику расслышали все одноклассники. Я никогда не имела недругов, поэтому меня тут же захлестнула волна возмущения. Я посоветовала Циглер остерегаться меня, но, конечно, ничего ей сделать не могла. Поэтому мы просто молча изредка друг на друга с презрением смотрели и ни разу толком и не общались. Зато Циглер могла запросто отпускать ядовитые шуточки в мой адрес. Она редко открывала в гимназии рот, но если уж и говорила, то что-нибудь неприятное обо мне. А тут пришла о помощи просить?

– Можешь включить меня в список? – спросила Амелия.

Я растерянно захлопала глазами, а Ирка вцепилась рукой в мое плечо. Мол, не смей!

– Вообще-то список уже укомплектован, – сообщила я. Старалась произнести это как можно равнодушнее, но ответ все равно получился злорадным. О том, что Яровой отказался ехать в лагерь, Циглер было знать необязательно. – И Лидия Андреевна уже его утвердила. Если бы ты не сбежала с последнего урока, знала бы, что директриса вчера зачитала

вслух все фамилии.

– И нет никакой возможности поехать?

Непробивная Амелия даже казалась расстроенной.

– Нет, увы, – покачала я головой. – Все десять мест заняты.

Тогда глаза Амелии внезапно будто блеснули огнем, а у меня мурашки забегали по коже. Циглер многозначительно прищурилась.

– Что ж, посмотрим, кто поедет.

И как ни в чем не бывало отошла от нашей парты. Мы с Иркой моментально забыли о столовой. Когда Амелия вышла из класса, Ирка грохнулась на стул и выпалила:

– Фух, хорошо, что ты ее не вписала! Мамочки, у меня даже ладони вспотели, какая она жуткая!

– Как думаешь, что означает это ее «что ж, посмотрим»? – почему-то запаниковала я.

– Считаешь, она найдет на тебя проклятие?

– А ты считаешь, только в тебя она вселяет страх?

– Я стараюсь вообще о Циглер не вспоминать, – призналась Ирка. – Да ладно тебе, ты чего так побледнела? Что она может тебе сделать? Амелия даже в классе ни с кем не дружит.

– Не знаю, мне не по себе, – призналась я.

Однако вскоре было уже не до Циглер. Все мои мысли занимал предстоящий разговор с Василевским. Выловить Марка удалось лишь после уроков, когда мы всей параллели

люю отправились в актовЫй зал, чтобы разобрать по ролям пьесу для одиннадцатиклассников. Ирка с Даней к тому времени уже слиняли домой, не сильно горя желанием участвовать в самодеятельности, хотя я и назначила Третьякова осветителем. Я дождалась, пока от Василевского отклеится наш одноклассник Слава Подорожников, а когда Марк наконец остался один, нащупала в кармане айпод и, набравшись смелости, пошла навстречу.

– Привет! Почему тебя не было на первом уроке? – спросила я первое, что пришло в голову.

– Привет! – отозвался Василевский с улыбкой. В его голубых глазах появился незнакомый блеск. – С утра на соревнованиях был. Занял призовое место.

– Ой, поздравляю! – заулыбалась я в ответ. Наверное, улыбка была дурацкой – в пол-лица. В кармане я по-прежнему вертела в пальцах плеер. А может, пригласить Марка куда-нибудь? Куда? В кафе-мороженое? Детский сад! В кино? Это романтично. Сидеть вместе в темном зале, брать попкорн из одного стакана и при этом изредка, словно невзначай, дотрагиваться до его пальцев... И тут я поняла, что молча стою перед Василевским слишком долго. Замечталась. – Вот, держи!

Я протянула айпод.

– Как он у тебя оказался? – искренне обрадовался Марк. Надеюсь, он не решит, что я тайком пробралась в мужскую раздевалку и выкрала плеер.

– Ты выронил у спортзала, – нашлась я. – Но так быстро ушел из гимназии...

– Да, у меня была тренировка перед сегодняшним соревнованием, – закивал Василевский. – Как здорово, что ты его нашла! Ему столько лет... Там вся моя музыка, вся жизнь.

Я продолжала улыбаться, мысленно благодаря за плеер Никиту. Теперь бы выполнить его просьбу и отмазать от лагеря. В который мы, между прочим, отправимся вместе с Марком. Боже, какое счастье!

После репетиции Марк снова оказался возле меня. Я видела, что он собирается начать новый разговор. Наверняка хочет первым пригласить меня на свидание. Я подалась вперед, навстречу Марку, но тут возле нас сразу же возникла Соболя.

– Азарова, это твой рюкзак в рекреации валяется?

– Что?

Соболя впиалась в меня немигающим пронзительным взглядом. Когда я отвернулась, чтобы отыскать глазами рюкзак, Оксана уже вышла из актового зала. Моего рюкзака действительно не было. Что за ерунда? Я совершенно точно помнила, что, придя на репетицию, бросила его на одно из кресел последнего ряда.

– Случилось что-то? – спросил Марк с беспокойством. Потому что мой вид в тот момент был совсем растерянным.

– Рюкзак пропал, – сказала я. – Наверное, Ирка вернулась и решила меня развести. Пойду поищу.

Василевского в тот момент тоже окликнул кто-то из одноклассников. Многие еще не разошлись, толпились у сцены, выясняя оставшиеся организационные вопросы. Обломалось мое свидание. Ведь он бы пригласил! Обязательно пригласил бы. Будь неладна эта Соболев.

Я вышла в пустую рекреацию и тут же увидела свой рюкзак, сиротливо валяющийся на полу у ножки одной из деревянных лавок. Тут же подбежала к нему и осмотрела. Кто-то явно подопнул его – на переднем черном кармане красовался пыльный след от обуви. Ну и кому взбрело в голову так шутить? Не иначе Соболев, увидев, как мило мы беседуем с Марком, утащила мой рюкзак, а потом вернулась с новостью о том, что его украли. И не могло же все ограничиться одним пинком... Наверняка эта стерва подбросила мне что-нибудь противное или, наоборот, вытащила и испортила какую-нибудь вещь. Как косметичку Сухопаровой. Я тут же проверила ляжки и замки. Нет, на первый взгляд рюкзак в норме. Тогда в чем подвох? Я расстегнула молнию. На глаза тут же попался свернутый лист бумаги. Предчувствуя катастрофу, руки слегка задрожали. Я – не конфликтный человек, но если Оксана задумала какую-то гадость... Ей несдобровать.

На листе было напечатано большими буквами: «Отлично, список утвержден. Дотянешь до лагеря?» Какие гадкие шутки у этой дуры. Я заволновалась. Пока Соболев только угрожает, а если перейдет к активным действиям? Мало ли чего от этой чокнутой можно ожидать.

В задумчивости я так и продолжила сидеть на полу посреди просторной рекреации. Вскоре раздались голоса ребят, вышедших из актового зала. Внезапно кто-то положил руку на мое плечо. Я подняла голову и увидела перед собой девочку из параллельного класса, Люсю Антоненко.

– Вер, все в порядке? – обеспокоенно поинтересовалась она. Присела рядом со мной на корточки. – Ты какая-то бледная.

– Да-да, все отлично! – быстро проговорила я, сворачивая обратно лист. Люся уже с любопытством уставилась на послание.

– Может, тебе водички принести? – спросила Антоненко.

– Нет, все нормально! – сказала я, первой поднимаясь на ноги. – Просто кое-что в рюкзаке искала.

Было странно искать что-то в рюкзаке, сидя на полу перед лавкой.

– Ну ладно, – растеряннотозвалась Люся, вставая следом за мной. – Это хорошо, если у тебя все нормально.

Я только кивнула в ответ. Да уж, лучше не придумаешь. Люся ушла вслед за своими одноклассниками, а я сунула послание обратно в рюкзак. И тут же увидела, что компания девчонок под предводительством Соболев стоит в конце коридора. Они что-то бурно обсуждали и звонко смеялись. Оксана смотрела в мою сторону, не переставая натянуто улыбаться. Мне тут же захотелось с визгом побежать по длинному коридору и вцепиться в ее красивые рыжие волосы. В уме

я представляла, как оттащу ее за космы, повалю на пол, да еще и по брендовой сумке потопчусь. Но я лишь проигнорировала неискреннюю улыбку Соболев и направилась к лестнице. Что ж, предупрежден, значит, вооружен.

* * *

Дома меня ждал еще один сюрприз. Дверь была закрыта только на нижний замок, а это означало, что папа дома. Днем. Может, заболел?

Как только я открыла дверь, до меня донесся сухой кашель.

– Я дома! – выкрикнула я. – И ты, судя по всему, тоже!

Отец не ответил. Лишь снова зашелся в тяжелом кашле.

Я разулась, бросила многострадальный рюкзак на пол и прошла в папину комнату. Отец лежал под одеялом перед плазмой и смотрел документальный фильм по каналу «Discovery».

– Заболел?

– Ушел из офиса пораньше, – жалобно проговорил папа. – Вер, а где у нас градусник?

Я, тяжело вздохнув, направилась на кухню, где в одном из шкафчиков хранилась аптечка. Разумеется, папа этого не знал. Раньше за медикаменты в нашем доме отвечала мама, теперь Софья Николаевна. Я схватила аптечку и пошла обратно в комнату.

– Мне нужно вылечиться до командировки в Италию, – сказал папа, глядя, как я резко стряхиваю градусник.

– Вылечим, – пообещала я. – Врача только надо вызвать.

– Ох, – обессиленно выдохнул папа, закрывая глаза.

– Где ты так умудрился простыть? На улице духота.

– Вот именно что духота, – не открывая глаз, слабым голосом проворчал папа. – Сижу целый день в офисе под кондиционером.

Когда папа болел, он становился просто невозможным. Я уселась рядом с ним на край кровати.

– Как дела в школе? – спросил отец лишь для того, чтобы что-то спросить.

– Отлично! – тут же отозвалась я. Послание с угрозой все еще было в рюкзаке, но вряд ли папа заинтересуется моей душещипательной историей о том, как две девчонки не поделили золотого мальчика Марка Василевского.

– Вер, мне на больничный нельзя, – сказал папа голосом умирающего лебедя. – У меня важная поездка на носу.

– Угу.

– Вер, а есть такая таблетка, чтобы выпил, и сразу ничего не болит? И чтобы ка... кашель, – папа закашлялся, – сразу прошел.

Я, не ответив, потянулась за градусником.

– Тридцать семь и девять.

– И что делать?

– Ложись и помирай.

– Ну Вера! – закапризничал папа. – Это такие шутки у тебя? Я ведь серьезно спрашиваю.

– Тогда уколы ставить, – припугнула я.

– Я не хочу уколы!

– Ты, папа, как маленький, – покачала я головой. – Ладно, погоди, тете Соне позвоню, спрошу, как лучше поступить.

Отец слабо закивал и снова прикрыл глаза. Его черные ресницы оттеняли бледные щеки.

Софья Николаевна долго охала и ахала, а затем принялась читать мне нотацию:

– Квартиру чаще проветривай. И обязательно обильное питье! Ты морс варить умеешь?

– Морс? – переспросила я. – Из ягод?

– Ну да.

– Из замороженных?

– Ох, – снова запричитала Софья Николаевна. – Ну как вы без меня? Я внуков на дачу увезла, что детям торчать в такую погоду в квартире? Была бы в городе, сразу б к вам приехала! Завтра с утра на первую электричку сядем. Ой, Вер! Жаропонижающего нет, купить бы надо. Если температура повысится, беги в аптеку! Слышишь меня, Вер?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.